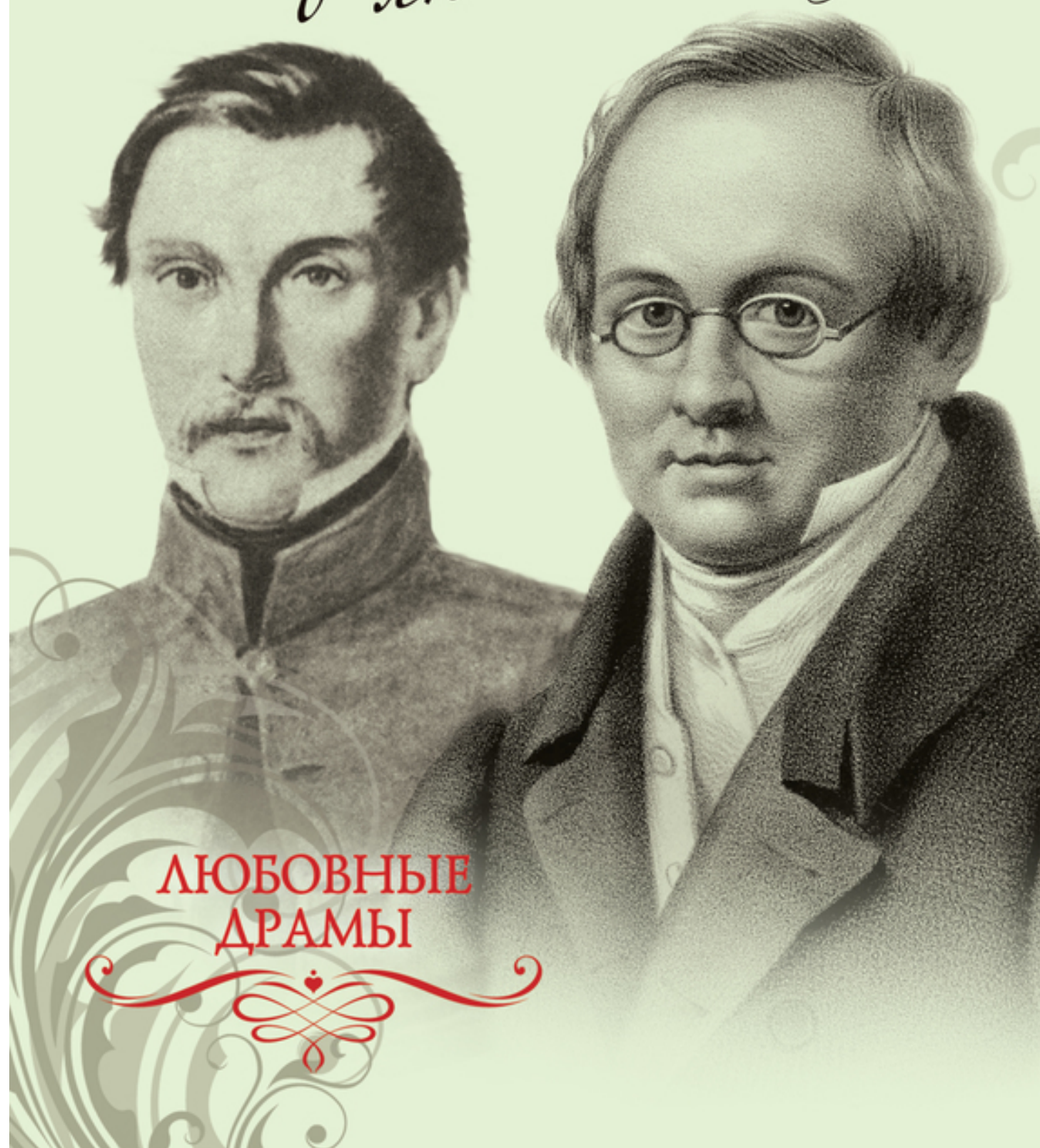

Н.Ф. ШАХМАГОНОВ

Друзья Пушкина
в любви и поэзии

ЛЮБОВНЫЕ
ДРАМЫ

Любовные драмы

Николай Шахмагонов

**Друзья Пушкина
в любви и поэзии**

«ВЕЧЕ»

2017

Шахмагонов Н. Ф.

Друзья Пушкина в любви и поэзии / Н. Ф. Шахмагонов —
«ВЕЧЕ», 2017 — (Любовные драмы)

ISBN 978-5-4444-8823-2

Книга писателя Николая Шахмагонова посвящена теме любви в жизни и творчестве друзей Александра Пушкина. Василий Жуковский, Константин Батюшков, Денис Давыдов, Николай Юсупов. Имена тех, о ком пойдёт речь, широко известны, известны их свершения во имя Отечества или просто добрые дела во имя своих родных и близких. Но как раз самая яркая, самая светлая сторона в их жизни – любовь – часто оставалась «за кадром».

ISBN 978-5-4444-8823-2

© Шахмагонов Н. Ф., 2017
© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

От автора	5
Любовные драмы «побеждённого учителя»	7
За кого поднимал Пушкин задравный кубок?	7
Сын русского барина и турчанки	12
Любовные драмы сестёр поэта	17
«Всему начертан круг Предвечного рукой...»	20
Поэзия любви и грусти	28
Мужское воспитание – залог удач в любви	33
Несчастливая любовь	35
«Вихрем бедствия гонимый»	42
Семейная драма крестницы Жуковского	46
От поэзии любви к придворным виршам	54
Письма отчаяния – письма надежды	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Николай Шахмагонов

Друзья Пушкина в любви и поэзии

От автора

Любовь – вечный движитель Творчества. Кто с этим поспорит? В предыдущей книге серии «Любовные драмы», которая так и называется «Пушкин в любви и любовной поэзии», рассказано об удивительном воздействии любви на Русского гения Александра Сергеевича Пушкина. Теперь настало время поговорить о его друзьях, причём о тех именно друзьях, на жизни и творчестве которых сказалось их удивительное умение любить и творить литературные ли произведения, или просто добрые дела, под вдохновением этого светлого, всепобеждающего чувства.

Имена тех, о ком пойдёт речь в этой книге, широко известны, известны их свершения во имя Отечества, или просто добрые дела во имя своих родных и близких. Но как раз самая яркая, самая светлая сторона в их жизни – Любовь – часто оставалась за кадром.

Что мы знаем о Василии Андреевиче Жуковском? Да, конечно, каждый скажет, что он – учитель Пушкина, хотя бы на основании того, что сам Александр Сергеевич признал его учителем, а Жуковский сделал надпись на своём портрете, подаренном молодому ещё совсем автору великолепной поэмы «Руслан и Людмила»: «Победителю ученику от побеждённого учителя».

Но остались за кадром любовные драмы поэта, как-то не очень уделялось внимание трагедиям и драмам его семьи, хотя они оказали решающее влияние на его творчество, не афишировалась при изучении творчества его личная драма – несчастная любовь к племяннице, невозможность соединиться с нею брачными узами, замужество её и ранняя смерть... Если мы более пристально взглянем в творчество знаменитого поэта и великолепного переводчика, то увидим отражение личных трагедий и в стихотворениях, и в самом подборе для перевода поэтических произведений зарубежных поэтов. А женитьба его в 56 лет на 17-летней дочери своего давнего приятеля?! Разве это не отголосок трагедий детства, юности, молодости? Что же касается любовной драмы дочери Жуковского Александры, ставшей морганатической супругой великого князя Алексея Александровича и разлучённой с ним по воле императорской семьи, то о ней и вообще было известно очень мало. Но, не представив себе все жизненные перипетии, мы не сможем по-настоящему понять то, что хотел донести до нас поэт в своих бессмертных произведениях.

У Жуковского, как и у его ученика, не было, если можно так выразиться, дефицита любви. Только у Пушкина внешне все выглядело бурно, весело, задорно, а у Жуковского подёрнуто печалью. А вот у поэта Константина Батюшкова как раз всё, что касалось любви, было в остром дефиците. Озарения и крах всех надежд... Затем снова увлечение, любовь, попытка жениться и осознание того, что согласие на брак даётся возлюбленной без всяких чувств, просто по обстоятельствам. А тут ещё врождённая болезнь, которая прогрессирует при любых жизненных неурядицах, особенно любовных. И снова мы видим отражение в творчестве всего того, что доставляло такие невероятные душевные муки в жизни.

У Дениса Давыдова любовные романы, тоже зачастую неудачные, всё же проходили с какой-то удачей, пусть даже отчасти внешней. Он в своих любовных приключениях бывал подчас столь же дерзок, как в бою. В книге неслучайно даны не только любовные эпизоды, но и самые первые боевые дела, характеризующие и самого поэта, и его дальнейшее творчество.

Краткая, осветившая литературный небосклон жизнь-зарница Михаила Юрьевича Лермонтова подарила читателям невероятное количество и поэтических, и прозаических произведений, посвящённых любви. И снова мы видим то лихую удаль, то нежнейшие перебивы поэтических строк. Даже перед самым убийством, спланированным мерзавцами, начинающими кооператорами – то есть людьми, продавшими совесть золотому тельцу, Лермонтов думает о высоком, о добром и вечном, он делится планами о новых грандиозных романах.

Киллер же – сын винного откупщика Соломона Мартынова, изгнанный из армии за трусость «соломонов сын», «мартышка», начинающий винный откупщик и члены организованной преступной группировки, среди которых «первый кооператор» Васильчиков, как сказано о нём в Википедии, «родоначальник кооперативного движения в России», уже составили план убийства и только ждут назначенного часа. Отец Васильчикова – министр двора и компаньон Соломона Мартынова по винному откупу. Бояться нечего – прикроют. И прикрыли... И только поистине храбрый офицер Руфин Дорохов, сын дерзкого и отважного рубаки – героя Отечественной войны 1812 года, генерала Дорохова, самостоятельно разобравшись в деле, заявляет: «Дуэли не было. Было убийство!»

Любовь... Она окрыляет и даёт жизненные силы не только людям творческим. Знаменитый хозяин знаменитого Архангельского, которого Пушкин звал «мой Юсупов», почитая своим другом, прожил долгую жизнь в любви и любовных приключениях. Долгую... Потому что умел любить и в 80 лет имел молодую любовницу. Но история рода Юсуповых соткана из любовных трагедий и драм... О них рассказывается в книге.

Нельзя не вспомнить и о настоящей, верной и преданной подруге Пушкина – замечательной дочери замечательного нашего полководца Михаила Илларионовича Кутузова, заставившего французов, «как турок под Слободзеей есть лошадиное мясо». Трагическая судьба. Первый муж Елизаветы Михайловны, урождённой Кутузовой, героически погиб при Аустерлице, и с него с документальной точностью списал подвиг Болконского Лев Толстой в романе «Война и мир». Она долго не могла оправиться от горя, а когда всё же вышла замуж второй раз, то и здесь всё закончилось вдовством. Любовь спасала её, необыкновенная любовь к Пушкину. Она дала ей жизненные силы, она, несмотря на то, что была любовью неразделённой, вела по жизни. Гибель Пушкина подкосила её, и она пережила своего кумира всего лишь на два года.

В книге собраны повествования о друзьях Пушкина с самыми яркими любовными перипетиями в любви.

Любовные драмы «побеждённого учителя»

За кого поднимал Пушкин заздравный кубок?

Биографы и литературоведы до сих пор не могут прийти к общему мнению, был ли Александр Сергеевич Пушкин счастлив в семейной жизни? Одни обрушиваются с упреками на его супругу Наталью Николаевну, урождённую Гончарову, другие берут её под свою яростную защиту. Но ответить на этот вопрос мог только Пушкин и только он один. Конечно, супружество доставило ему немало хлопот и волнений, конечно, заставило нередко ревновать свою супругу и отчасти привело к гибели на так называемой дуэли, которая явилась просто-напросто коварно и подло спланированным убийством. Но об этом мы уже говорили в предыдущей книге серии «Любовные драмы» – «Пушкин в любви и любовной поэзии». Теперь настала пора поговорить о любовных приключениях и драмах друзей Пушкина.

В различных биографических и энциклопедических изданиях друзьями Пушкина именуются очень и очень многие его современники, близкие к нему по литературному, а прежде всего поэтическому творчеству. К друзьям относят и просто его близких знакомых, как, например, князя Николая Борисовича Юсупова, который был старше на полвека, но которого Александр Сергеевич называл «мой Юсупов» и очень часто встречался с ним для долгих душевных разговоров.

Но, наверное, не ошибусь, если назову в числе самых первых, искренних и нелицемерных друзей Пушкина Василия Андреевича Жуковского. Это был не просто друг – это был наставник поэта, его учитель. Вспомним фразу, известную нам со школьной скамьи: «Победителю ученику от побеждённого учителя».

Эту фразу Василий Андреевич написал на своём портрете, который подарил Пушкину, когда тот представил ему поразившую Жуковского поэму «Руслан и Людмила».

Да, Пушкин долгое время был учеником, следуя в какой-то мере в кильватере творческого курса выдающихся мастеров русской поэзии. Он учился у Державина, у Дениса Давыдова, у Батюшкова, ну и, конечно, у Жуковского. Тому свидетельство даже некоторое подражание своим учителям в творчестве тем, у кого он, выражаясь его же строками из поэмы «Полтава», учился, «за учителей своих заздравный кубок поднимая».

Вспомним Пушкинское стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Приведу его полностью, хотя уверен, что многие читатели помнят его наизусть. Но в данном случае стихотворение стоит напомнить, и скоро станет ясно, по какой причине...

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.
Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.
Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.
И долго буду тем любезен я народу,

Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.
Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

Ну а теперь ещё одно стихотворение, которое уже не так широко известно, хотя в нём сразу улавливается что-то очень и очень знакомое. Что? Да то, что читали выше...

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полёт его не сокрушит.
Так! – весь я не умру; но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.
Слух пройдёт обо мне от Белых вод до Чёрных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льёт Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчётных,
Как из безвестности я тем известен стал,
Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.
О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твоё зарей бессмертия венчай.

Кто воспевал Фелицу? Конечно, Гавриил Романович Державин, ну а под Фелицей он подразумевал Императрицу Екатерину Великую. Дело в том, что Фелица – «Богородица царевна Киргиз-Кайсацкая орды!» – героиня сказки о Царевиче Хлоре, автором которой является Государыня. Ну и Державин неслучайно воспевал Богородицу Царевну.

Стихотворение же написано им в 1795 году, то есть за четыре года до рождения Пушкина.

Заимствовал ли Пушкин тему именно у Державина? Нет. Идея принадлежит другому автору, древнеримскому поэту Горацию.

Квинт Гораций Флакк (8 декабря 65 г. до н. э. – 27 ноября 8 г. до н. э.) писал так...

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся.
Ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой
Не разрушат его, не разрушат и ряд
Нескончаемых лет – время бегущее.
Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит похорон. Буду я вновь и вновь

Восхваляем, доколь по Капитолию...

Ну и далее встречаются весьма схожие фразы. Впрочем, ода Горация переводилась не раз. Её переводили М.В. Ломоносов (1748), В.В. Капнист (1805), А.Х. Востоков (1806), С.А. Тучков (1816).

Но Пушкин в творчестве превзошёл всех, как, наверное, превзошёл и в любви, поскольку, как бы ни относиться критически к его донжуанскому списку, всё-таки лучи его непревзойдённой поэзии осветили и согрели многих самых великолепных, самых прекрасных, самых чудных («я помню чудное мгновенье») женщин.

И превзошёл в поэзии любви, хотя и здесь Пушкин находился не только в плену очарования воспеваемых им возлюбленных барышень, но и в плену обаяния поэтических строк своих учителей. За примером далеко ходить не надо. В своём великолепном стихотворении «Я помню чудное мгновенье», посвящённом Анне Петровне Керн, стихотворении, положенном на музыку чарующего романса великим русским композитором Михаилом Глинкой, романса, посвящённого им дочери Анны Петровны Екатерине Керн, Пушкин обессмертил поэтическую строку своего учителя Василия Андреевича Жуковского. Ведь именно у Жуковского впервые прозвучало – «гений чистой красоты».

У Василия Андреевича Жуковского в стихотворении «Лалла рук» читаем:

Ах! не с нами обитает
Гений чистой красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной красоты...

Ну а у Пушкина...

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Василий Андреевич познакомился с этим поэтическим произведением ирландского поэта-романтика Томаса Мура (1779–1852) во время своего путешествия в 1821 году и сделал прекрасный перевод, о котором мы ещё поговорим в последующих главах.

Пушкин взял прекрасные строки, которые, учитывая тонкости любого перевода, несомненно, принадлежали именно Жуковскому, для посвящения восхитительной и неотразимой Анны Керн.

Правильно ли сказать, что Пушкин превзошёл своих учителей в творчестве и любви? В творчестве – да! Это общепризнано. А в любви?

Каков вообще критерий счастья в любви? Кого мы можем считать счастливым в этой волшебной области человеческого бытия? Если взять литераторов вообще – и поэтов и прозаиков, пока у нас есть только одно твёрдое и точное указание на подлинное счастье. Я приводил слова Льва Николаевича Толстого в книге «Любовные драмы Русских писателей»:

«Многие русские писатели чувствовали бы себя лучше, если бы у них были такие жёны, как у Достоевского».

Когда композитор Сергей Прокофьев попросил Анну Григорьевну Достоевскую что-то написать в его альбом, который он хотел посвятить солнцу, она написала: «Солнце моей жизни – Фёдор Достоевский. Анна Достоевская...»

Но Лев Николаевич Толстой написал и другие слова о представительницах прекрасного пола:

«Смотри на общество женщин как на необходимую неприятность жизни общественной и, сколько можно, удаляйся от них. В самом деле, от кого получаем мы сластолюбие, изнеженность, легкомыслие во всём и множество дурных пороков, как не от женщин?»

Конец 1899 года. Толстому идёт 72 год. Колоссальный опыт в жизни, творчестве и, конечно, в любви. Он делает вывод:

«Главная причина семейных несчастий – та, что люди воспитаны в мысли, что брак даёт счастье. К браку приманивает половое влечение, принимающее вид обещания, надежды на счастье, которое поддерживает общественное мнение и литература; но брак есть не только не счастье, но всегда страдание, которым человек платится за удовлетворённое половое желание».

Тихон Иванович Полнер (1864–1935) историк, литератор и издатель, в книге «Лев Толстой и его жена. История одной любви», написанной в эмиграции, отметил:

«Творения Толстого теснейшим образом связаны с его интимной жизнью. Это утверждение относится не только к беллетристике. Оно всецело подтверждается внимательным рассмотрением философских, религиозных и политических работ великого автора. Говорят: наслаждайтесь произведениями искусства и оставьте в покое личность автора. Даже и это не верно. Часто биографические изыскания углубляют понимание произведений искусства. “Оставить в покое” личность проповедника и пророка – уже совершенно невозможно. И не потому только, что слова без дел не убеждают. Важно, что характер самой проповеди, её содержание, противоречия, эволюция воззрений бывают подчас необъяснимы без тщательного исследования интимной жизни проповедника. К такому убеждению я неизбежно склонялся каждый раз, когда пытался проследить фазы развития Толстого».

Как это подходит к очень многим биографиям прозаиков и поэтов. Словно в фарватере этих слов прошли любовные истории Ивана Сергеевича Тургенева и Фёдора Ивановича Тютчева, Ивана Алексеевича Бунина и Алексея Константиновича Толстова. Эти слова можно целиком отнести к судьбе Александра Сергеевича Пушкина и судьбам его друзей.

Каковы бы ни были жизненные ситуации – в чём-то схожи или, напротив, различны, но чтобы понять истоки драм и трагедий, – а без таковых редко обходились любовные страсти – но «оставить в покое личность» – значит вовсе ничего не понять ни в жизни, ни в творчестве, ни в любви того или иного человека.

Очень часто именно в детские годы закладываются счастье или несчастье в любви. Это особенно ярко отражено в биографиях, к примеру, Ивана Сергеевича Тургенева и Фёдора Ивановича Тютчева, о чём приведены рассуждения в книгах «Любовные драмы Русских писателей» и «Любовные драмы Русских поэтов». В судьбах этих мастеров слова всё связано с трагедиями первой любви. У Пушкина, о чём мы говорили в книге «Пушкин в любви и любовной поэзии», были иные проблемы – проблемы отношения к нему родителей. Ему, по его мнению, не хватало родительского тепла. Он был средним ребёнком в семье, и на нём отразились проблемы среднего ребёнка, которые нередки во многих семьях.

А вот Жуковскому, напротив, вполне хватало материнского тепла, поскольку обстоятельства сложились так, что он получал это тепло не только от родной матери, но и от супруги отца, которая отчасти стала его второй матерью. Отчасти лишь потому, что по близости всегда была родная мать.

Жуковский оказался воспитанником женского общества – рядом были родная мать Сальха, супруга отца Мария Гавриловна, старшая сестра Варвара Афанасьевна, которая одновременно была крёстной матерью и племянницы – дочери старших сестёр Варвары и Екатерины.

Это тоже наложило свой отпечаток на его судьбу, на любовные коллизии, выросшие в любовные трагедии и драмы.

Но ведь и они родились не на пустом месте. История рода будущего поэта богата на любовные драмы. С них мы и начнём разговор о любовных перипетиях самого Василия Андреевича.

Сын русского барина и турчанки

В восемнадцатом веке рождение внебрачных детей было явлением частым. Для людей бедных, скажем помягче, невысоких сословий, они становились неразрешимой проблемой. Недаром знаменитый государственный деятель Иван Иванович Бецкой, сам незаконнорожденный сын князя Трубецкого, незаконнорожденной дочерью которого стала будущая Императрица Екатерина Великая (см. мою книгу «Орлы Екатерины в любви и сражениях»), создал Воспитательный дом, в который принимались и в котором воспитывались незаконнорожденные дети. Причём всё было устроено так, что сдать в этот дом малютку можно было тайно.

Состоятельные же вельможи могли позволить себе воспитывать своё чадо. Даже выработано было негласное правило – фамилия давалась незаконнорожденному ребёнку отцовская, но в несколько усечённом виде, без первого слога. Так сын Трубецкого Иван стал Бецким, сын Репнина получил фамилию Пнин и так далее. Ну а само определение «незаконнорожденный» или «незаконнорожденная» было даже закреплено законодательно. Такими признавались: «Рожденные вне брака, хотя бы их родители потом и соединились законными узами; произошедшие от прелюбодеяния; рождённые более чем через 306 дней после смерти отца или расторжения брака разводом; все прижитые в браке, который по приговору духовного суда признан незаконным и недействительным».

Что же касается Василия Андреевича Жуковского, то он получил не отцовскую фамилию, которую, впрочем, и «усекать» на один слог было некуда, а фамилию бедного дворянина Жуковского, жившего в доме отца. Но зато он, в отличие от многих, себе подобных чад, вошёл в семью отца как равноправный ребёнок. Кстати, так же случилось и с упомянутым выше Иваном Ивановичем Бецким.

Появление на свет будущего поэта и его детство было тесно переплетено с семейными драмами его отца, его супруги и его возлюбленной. Русский историк и литературовед Пётр Иванович Бартенев (1829–1912), известный как основатель пушкиноведения и издатель исторического журнала «Русский архив», коснулся этой истории в своих воспоминаниях. Весной 1852 года писатель-беллетрист и издатель Михаил Петрович Погодин (1800–1875) посоветовал Петру Ивановичу заняться биографией Василия Андреевича Жуковского, пояснив, что это «будет угодно Государю». Он же рекомендовал Бартенева Авдотье Петровне Елагиной, представительнице семейства знаменитейшего. Пращур, как известно, был личным библиотекарем Екатерины Великой.

П.И. Бартенев писал:

«Чуть не с первого дня знакомства Авдотья Петровна отдала мне читать и позволила списывать целые кипы писем к ней Жуковского, который был незаконным братом её матери, Варвары Афанасьевны Юшковой, рождённой Буниной, дочери Белевского воеводы Афанасия Ивановича. Мать Жуковского была турчанка, взятая в плен после покорения Бендер графом Паниным в 1770 году и привезённая к Бунину крепостным его человеком, который, как и многие другие крестьяне Тульской и Орловской губернии, уходили по паспортам в маркитанты, т. е. занимались мелочной торговлею при наших войсках. Авдотья Петровна была на шесть лет моложе Жуковского и с самого раннего его возраста любила Василия Андреевича, одной из первых учительниц которого была её мать, образованная и прекрасно игравшая на фортепиано. Жуковский был постоянным, ежедневным предметом воспоминаний Авдотьи Петровны, которая связывала его имя с памятью своей самой близкой подруги и двоюродной сестры Марии Андреевны Протасовой, дочери Андрея Ивановича и Екатерины Афанасьевны (рожд. Буниной). Жуковский и Мария Андреевна многие годы были влюблены друг в друга. Жуковский называл Авдотью Петровну своей Поэзией. Этого достаточно, чтобы выразить то обаяние, которым она пользовалась и в своей семье, и в близком обще-

стве. Письма её таковы, что в сравнении с ними знаменитые письма m-le de Svignie кажутся приторными. Она до конца жизни любила занятие словесностью и в Дерпте за несколько месяцев до кончины перевела проповедь, сказанную там одним пастором. Всё, что она ни делала, выходило как-то изящно. Она хорошо рисовала и вышивала шелками; ничего в ней не было такого, что в учёных женщинах называется синечулочеством. С какою ясностью и теплотою вспоминала она прошедшие годы своей жизни; когда я её знал, она уже схоронила целый ряд детей своих и иной раз со слезами на глазах говорила: “Рахиль плачущися чады своих и не можаша утешиться яко не суть”. Конечно, моя с гимназии любовь к Жуковскому, знание наизусть многих стихов его и то, что сам он незадолго перед смертью намеревался пригласить меня в учителя к его детям, послужили к моему сближению с Авдотьей Петровной и её семейством, которое отличалось взаимною горячею дружбою».

Всего одна цитата, а сколько в ней загадок и тайн! Как же всё-таки получилось, что отцом будущего поэта стал весьма состоятельный русский помещик, а матерью – пленная турчанка? Ведь помещик-то был женат, и своих детей у него было пятеро!

Будущий поэт родился 29 января 1783 года в селе Мишенском Белевского уезда Тульской губернии. Село находилось в трёх верстах от Белёва.

Отцом его был помещик Афанасий Иванович Бунин, ну а матерью, как упоминалось, турчанка по имени Сальха.

Вряд ли помещик Бунин мог предполагать, во что выльется его шутка, которую отпустил, провожая своих крестьян на театр военных действий. А сказал он, привезите, мол, мне в жёны молодую турчанку, а то жена совсем старой стала.

Так это или не так, но турчанку привезли, да только в жёны её Афанасий Иванович, конечно, не взял, во-первых, потому что неровня она, но главное, потому что женат он был, и не было никаких раздоров в семье.

Через три года после рождения ребёнка, в 1786 году, Сальхе наконец был выдан вид на жительство в России. Документ так и именовался: «К свободному в России жительству».

Она не стала крепостной. В документе же говорилось, что она подобрана была при взятии нашими войсками города Бендер в 1770 году «с прочими таковыми же в полон и досталась майору Муфелю, и того же году оным майором по выезде в Россию отдана им Бунину на воспитание, и по изучении российского языка приведена была в веру греческого исповедания, причём восприемниками были жена Бунина Мария Григорьевна и иностранец, восприявший же веру греческого исповедания Дементий Голембевский».

Так и превратилась Сальха в Елисавету Дементьевну Турчанинову (отчество по имени восприемника при крещении). Указывались также основные приметы – то, что была она «росту среднего, волосы на голове чёрные, лицом смугла, глаза карие».

С матерью поэта ясно... Не крепостная, но и не дворянского сословия. А что же можно сказать об отце? Фамилия-то знаменитая!

Екатерина Ивановна Елагина, дочь племянницы Жуковского Марии Андреевны, урождённой Протасовой, единственной по-настоящему любимой Василием Андреевичем женщины, в «Семейной хронике» раскрыла, насколько это возможно, родословную Буниных:

«Иван Андреевич Бунин (дедушка Жуковского. – *Н.Ш.*) был женат на Феодоре Богдановне Римской-Корсаковой. У них был сын Афанасий и две дочери: Анна, вышедшая за Давыдова, и Платонида, которая ослепла; доктора объявили её неизлечимой. В это время только что открылись мощи Дмитрия Ростовского (в миру Данила Саввич Туптало (1651–1709), епископ Русской православной церкви). Платонида стала проситься, чтобы её отпустили в Ростов; она жила в это время в Москве у брата своего, который был уже женат. Брат и невестка согласились на её просьбы, и она поехала с какой-то теткой. В Ростове отстояла всенощную и упросила гробового монаха позволить ей остаться всю ночь у раки; он позволил, повёл её к мощам, и она осталась одна в запертой церкви. Всю ночь провела она в

слезах и молитвах; поутру собрались монахи служить молебен; монах подошёл к ней и взял её голову, чтобы наклонить её приложиться к мощам; она приложилась и вдруг с криком радости: “Вижу, вижу!” вырвалась из рук монаха. Это чудо было засвидетельствовано тут же присутствовавшими и внесено в Ростовские летописи. Можно вообразить радость и изумление семьи её, когда она воротилась в Москву. Она после вышла замуж. Феодора Богдановна, мать её, была родом из Смоленска: складень Образ Смоленской Божьей Матери, который теперь у нас, принадлежал ей. Её благословили им к венцу, после благословили им Афанасия Ивановича, который благословил им Екатерину Афанасьевну, та – свою дочь Марию, а после – меня. Об Иване Андреевиче и Феодоре Богдановне нет никаких семейных преданий; известно только то, что они были очень строги и, кажется, крутого нрава. По крайней мере, слышала я, что однажды приехал к ним в Мишенское сын их Афанасий Иванович с молодой женой своей Марией Григорьевной и так были дурно приняты, что решились ночью уйти пешком в Белёв и ночевали на постоялом дворе».

В.В. Огарков писал по поводу супруги помещика:

«Жена Бунина, Марья Григорьевна, урождённая Безобразова, кроткая и умная женщина, являлась в окружавшей её среде сравнительно развитым человеком, что доказывается и тем образованием, которое она сумела дать, несмотря на невыгодные для этого тогдашние условия, своим дочерям и Жуковскому. Сам Бунин, очевидно, тоже не был из породы Митрофанушек – весьма распространенного типа того времени. Достаточно сказать, что единственный горячо любимый сын Буниных учился в университете в Лейпциге...»

Екатерина Елагина оставила о ней следующий отзыв:

«Жена Бунина Мария Григорьевна Безобразова по себе была женщина очень твёрдого и, кажется, холодного темперамента. Она была по-тогдашнему хорошо образованна, ибо умела читать и писать. Сестра ее Александра Григорьевна сего не достигла. Она подписывала бумаги под диктовку своего крепостного писаря; он говорил ей: “Пишите “азь” – написала. Пишите “люди” – написала “люди”, – повторяла она и т. д. Марья Григорьевна очень любила читать и заставляла дочерей и внушек переводить для себя французские романы, которые они ей читали вслух».

Не совпадает в характеристиках лишь то, что В.В. Огарков называет Марью Гавриловну кроткого, а Екатерина Елагина – твёрдого характера.

В жёны Сальху помещик Бунин, как уже говорилось, брать не собирался, но в ту пору внебрачные связи помещиков с крепостными барышнями были делом нередким, нередким было и рождение внебрачных детей. Не сразу, судя по году рождения поэта, но помещик Бунин всё же положил глаз на пленную турчанку. Ну а когда родился мальчик, сложились обстоятельства, при которых сама судьба определила для него судьбу хоть и внебрачного сына, но оказавшегося на положении особом. Дело в том, что за два года до рождения будущего поэта, в 1781 году, внезапно умер сын Буниных. Два года – срок, конечно, недостаточный для того, чтобы могла стихнуть боль по безвременно ушедшему сыну, да и вообще такое горе неизлечимо, но всё же это время, которое позволило здраво взглянуть на то, что ожидало семью. Девочки подрастали, но сына, наследника, не было.

На своё имя Афанасий Иванович родившегося мальчика записывать не стал. Записали его по договорённости сыном бедного дворянина Андрея Григорьевича Жуковского, жившего, как нередко бывало в ту пору, у богатого помещика на правах дальнего родственника. Так родившийся малыш – сын русского барина и пленной турчанки – стал Василием Андреевичем Жуковским.

К тому времени Сальха приняла Православную веру и стала Турчаниновой Елизаветой Дементьевной.

Была она работающей, скромной поведением своим, услужливой. Жила во флигеле для прислуги. Туда-то и стал наведываться тайком помещик, когда подросла его пленница. При-

везли то её пятнадцатилетней. Не одну привезли, с младшей тринадцатилетней сестрой. Причём обе, видимо, полагали, что попали в гарем к русскому властителю. Да только младшая умерла вскоре от чахотки, а старшая оказалась пассивной бариня. Но не сразу, а когда вошла в возраст девицы. До того времени она прислуживала сёстрам будущего поэта, причём добилась исполнительностью и трудолюбием доброго к себе отношения.

Екатерина Елагина писала по этому поводу о родной матери Жуковского:

«В доме у Буниных в Мишенском была она хозяйкой; у неё были ключи от вареньев, соленьев и прочих, ею приготовленных запасов. За столом с господами она не обедала, но всегда сидела с чулком в комнате Марии Григорьевны. Все тогдашние дети Мишенского сохранили о ней воспоминание, как о самом добром, преданном, незлобивом существе».

В 1849 году Пётр Александрович Плетнев уточнил некоторые, касающиеся родителей и рождения Жуковского, записав их со слов поэта:

«Бунин был помещик Белёвский... Жена его, приживши с ним несколько детей, оставила супружеское ложе и дала ему свободу в выборе потребностей Гимена. Какой-то приятель Бунина, участвовавший во взятии Силистрии, переслал ему оттуда, из гарема паши, одну премилую женщину, которая долго полагала, что мужчина везде имеет законное право на нескольких женщин. Поэтому она в полной невинности души предалась любви к Бунину и от ложа с ним родила ему сына: это был славный ныне поэт».

Относительно того, что так уж всё прошло гладко, есть разночтения. Всё-таки когда, как сообщают некоторые источники, появился на свет ребёнок, размолвка неминуемо случилась, и Афанасий Иванович вынужден был даже переехать во флигель к своей молодой возлюбленной. Впрочем, только ему одному ведомо, насколько она была любима. Не исключено, что просто стала предметом утех и услад.

У Буниных было одиннадцать детей. Но детская смертность в те времена была довольно высокой. Шестеро детей из одиннадцати покинули сей мир. В живых к началу семидесятых осталось лишь пятеро: Авдотья, 1754 года рождения, Наталья – 1756 года, Иван 1762 года, Варвара 1768 года и ещё грудная Екатерина.

Иван отправился на учёбу, где умер в 1781 году.

Так что рождение малыша в 1783 году если и было воспринято Марией Григорьевной в штыки, то ненадолго.

Относительно смерти сына Буниных есть и другие сведения.

Екатерина Ивановна Елагина в «Семейной хронике» рассказала следующее:

«У Афанасия Ивановича, который был женат на Марии Григорьевне Безобразовой, было пять человек детей: один сын и четыре дочери. Иван Афанасьевич был очень образован, любил живопись и много знал в ней толку; он заказывал иконы для строящейся тогда каменной церкви в Мишенском. Кажется, он ездил путешествовать в чужие края. Он влюбился, если не ошибаюсь, в Лутовинову, но отец не позволил жениться на ней, потому что дал слово Орлову, своему другу, что их дети будут женаты. Ивана Афанасьевича против его воли помолвили на другой; в день обручения, когда стали пить за здоровье жениха и невесты, у него лопнула жила, и он скоропостижно умер».

Некоторые биографы полагали, что Афанасий Иванович Бунин был дружен с Григорием Григорьевичем Орловым и хотел женить сына на дочери сподвижника Государыни. Однако, как известно, законных детей у Григория Орлова не было. Трудно сказать, которую из незаконнорожденных дочерей имели в виду биографы.

Виднейший исследователь екатерининского времени, наш современник, издатель переписки Екатерины II и Потёмкина, то есть человек, владеющий самой точной информацией, писал с некоторой оговоркой о том, что Наталья Алексеевна в замужестве Буксгевден, была дочерью Императрицы и Орлова. Ну а в Википедии названа ещё Елизавета Алексеевна, родившаяся якобы в 1760 году и впоследствии ставшая женой знаменитого немецкого поэта

Клингера, кстати, сопровождавшего графа и графиню Северных в их заграничном путешествии. Под именем Северных путешествовали по Европе великий князь Павел Петрович и его супруга великая княгиня Мария Фёдоровна.

Иван Афанасьевич Бунин родился в 1762 году. Умер в 1781 году девятнадцати лет. Но в то время Григорий Орлов был уже четыре года женат на своей 18-летней двоюродной сестре Екатерине Зиновьевой. Они поженились в 1777 году с большими неприятностями, о которых повествуется в книге «Орлы Екатерины в любви и сражениях». Брак был бездетен, возможно, как раз из-за очень близкого родства. Супруга Орлова скончалась от чахотки в один год с сыном Афанасия Ивановича Бунина. Григорий Орлов не мог оправиться от этого удара, и уже не прожил, а просуществовал ещё два года и ушёл из жизни в апреле 1783 года.

Я остановился на мнении некоторых биографов о том, что Афанасий Иванович Бунин мог быть знаком с Орловым и даже хотел породниться, чтобы далее в повествовании порассуждать, почему сводная сестра Жуковского воспротивилась его женитьбе на своей дочери Марии. Ведь их связывала очень сильная взаимная любовь, которая в результате запрета превратилась в драму для обоих. Но об этом несколько дальше...

Любовные драмы сестёр поэта

Известно, что на творчество каждого поэта влияет обстановка в семье, в которой он воспитывался.

Не у всех сестёр будущего поэта жизнь сложилась счастливо, ровно как впоследствии и не у всех племянниц.

Екатерина Елагина сообщила в «Семейной хронике»:

«Старшая дочь Афанасия Ивановича Авдотья Афанасьевна была замужем два раза: в первый раз за Крюковым, во второй – за Алымовым (Дмитрием Ивановичем, коллежским советником. – *Н.Ш.*). Алымова сделали начальником таможни в Кяхте. Авдотья, которая была любимицей отца, перед отъездом заехала в Мишенское и стала просить, чтобы ей в её ссылку дали для развлечения сестру её Катерину, и отец приказал 12-летней Катерине, своей младшей дочери, ехать с сестрой.

Бабушка моя провела семь лет в Сибири; сестра не занималась ей нисколько; она переносила капризы старшей сестры и была свидетельницей её ссор с мужем и её ветреного поведения. Она сохранила на всю жизнь благодарное воспоминание об Алымове, который был ласков с ней и защищал её против сестры. Всю жизнь бабушка не любила сумерек: они напоминали ей несносное путешествие из Сибири в Россию; в возке одна с горничной, с замерзшими стеклами, в таком полумраке, при котором читать невозможно, так холодно, что работать нельзя, и этак больше шести месяцев. Впрочем, и книг-то у неё почти что не было, кроме произведений Жанлис Мадлен-Фелисите Дюкре де Сент-Обен (1746–1830), французской писательницы, автора книг для детей и сентиментальных нравоучительных романов».

В комментариях к «Семейной хронике» указано, что читала Екатерина Афанасьевна роман «Адель и Теодор, или Письма о воспитании», в русском переводе назывался «Аделия и Феодор, или письма о воспитании».

Екатерина Елагина заметила, что Екатерина Афанасьевна знала роман наизусть и поведала о дальнейшей судьбе своей бабушки:

«Она привыкла от скуки нюхать табак. Авдотья Афанасьевна, доехав домой, разъехалась со своим мужем и жила потом у овдовевшего зятя Вельяминова»

Вельяминов Николай Иванович был советником Тульского губернатора с 1784 года и тульского вице-губернатора с 1791 года.

Наталья Афанасьевна уродилась красавицей. К тому же, надо отдать должное Афанасию Ивановичу, а особенно его супруге Марии Гавриловне. Воспитаны и образованы их дети были прекрасно. У Натальи женихов было множество, но... она выбрала иную судьбу.

Екатерина Елагина писала:

«Наталья Афанасьевна, вторая дочь Бунина, была совершенная красавица. В то время был наместником Тульской губернии Кречетников; он был знаком с Буниными и заезжал в Мишенское; жена его была сумасшедшая и не жила с ним. Он влюбился в Наталью Афанасьевну; она в него; у них была связь».

Генерал-аншеф, граф Михаил Никитич Кречетников (1729–1793), был уже немолод. К нему, активному участнику Семилетней войны и Русско-турецкой войны (1768–1774 гг.), Императрица относилась с уважением, и с 1775 по 1788 год, по её назначению, он служил губернатором тульский, калужский и рязанской губерний. Андрей Тимофеевич Болотов в книге «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» рассказал и о том, что Кречетников интересовался искусством, литературой и живописью:

«Наместник приездом моим был очень доволен, а поднесённую ему картиною ещё того более. Он не мог ею довольно налюбоваться и показывал всем её за диковинку, а особливо фаворитке своей, госпоже Вельяминовой, которая гостила у него тогда тут же со своим

мужем. И при сём то случае насмотрелся я довольно сей госпоже, игравшей тогда важную роль, и не мог довольно начудиться её мужу, не чувствующему от того стыда, что носил почти только звание мужа, и жертвующему женою своею в угодность сему вельможе. Но не столько удивителен был он мне, сколько отец сей госпожи. Он был г. Бунин и служил тогда городничим в городе Белёве, где наместник и познакомился с сим семейством. Говорили, что будто бы сам и отец, и мать сей госпожи, бывшей тогда девушкою, поспешествовали сами такому знакомству дочери своей с наместником и единственно для того, чтоб пользоваться его милостью. И дабы можно было ему ее иметь у себя в близости, то и выдана она была за молодого человека из фамилии Вельяминовых, которого наместник по самому сему случаю произвел в люди и который, находясь при нём в должности советника правления, играл также тогда важную роль. Но как бы то ни было, но для меня как постороннего человека не было в том никакой нужды, и я доволен был тем, что и госпожа сия обходилась со мною довольно ласково и совсем не так гордо, как с другими».

Возможно, Андрей Тимофеевич несколько сгустил краски, поскольку связь наместника с Натальей Афанасьевной, урождённой Буниной, повлияла на служебный расклад в губернии. Должность, на которой он находился, едва не отдали зятю Афанасия Ивановича Бунина Петру Николаевичу Юшкову, поскольку он был мужем сестры Натальи.

Ещё до замужества Наталья родила от наместника дочь. Вот как рассказала о том в «Семейной хронике» Екатерина Елагина:

«Отец ничего не знал об этом (имеется в виду связь с наместником. – *Н.Ш.*); родившуюся у Натальи Афанасьевны дочь отправили в деревню воспитывать в Бунино, а связь продолжалась; Наталья Афанасьевна опять сделалась беременна, когда вдруг узнал отец. Он стал требовать, чтобы дочь шла замуж за Вельяминова, который, зная о том, что у неё связь, не боялся просить её руки. Наталья Афанасьевна сдалась на требования отца. На другой день после свадьбы привезли из Бунина её двухлетнюю дочь Марию. Наталья Афанасьевна, взяв её на руки, стала на колени перед мужем, прося его принять под своё покровительство несчастного ребёнка. Вельяминов так был тронут её просьбой, что заплакал и обнял их обеих, и мать и дочь.

Через месяц после их свадьбы у Кречетникова умерла жена. У Натальи Афанасьевны родилась ещё дочь Авдотья (впоследствии Арбенева), и потом еще дочь, которая была и дочерью Вельяминова, Анна Николаевна; она умерла старой девушкой. Наталья Афанасьевна жила недолго; у неё сделалась чахотка и она скончалась, оставив своих трёх дочерей ещё невзрослыми. Муж её, Николай Иванович, был неумен, весёлого нрава, пустой человек, неспособный ни на любовь, ни на ненависть. Он мало имел влияния на дочерей и мало значил в семье».

Казалось бы, когда наместник овдовел, могли открыться большие перспективы для Натальи Афанасьевны, но к тому времени она своими постоянными просьбами за родню стала, по мнению Болотова, несколько надоедать наместнику. Болотов перемену настроений наместника испытал на себе. На пике возвышения родни Натальи Афанасьевны наместник однажды довольно резко выговорил Болотову по незначительному поводу, но потом вдруг сменил гнев на милость.

Андрей Тимофеевич вспоминал: «...Непосредственно почти за тем, как наместник, излив на меня свой гнев, от себя почти выгнал, получил он всего меньше им ожидаемое известие, что любовница его и самая та, которая всему сему злу была первоначальною причиною, находясь тогда в Москве, кончила от болезни свою жизнь и переселилась в вечность. Вот чем он тогда огорчился, как приезжал к нему Юницкий (Василий Васильевич – директор экономии тульской казённой палаты). А как через то разрушилась и вся связь его с её родными, которая начинала и самому ему становиться уже в тягость, то и произошло от того то следствие, что наместник все мысли о согнании меня с моего места и о определении

на оное её отца откинул и меня по-прежнему на оном расположился оставить. И как он на меня более всех, относительно до волостей, как на первого человека, надеялся, то потому-то и приказал тогда Юницкому препоручить мне написание докладных и им потом с такою похвалою опробованных пунктов».

Словом, любовь и тут оказалась важным двигателем в делах губернских, настолько важным, что Болотов мог лишиться своего места.

И здесь, как и во многих других случаях, не принесла счастья, а явилась источником драм и трагедий.

Не удалось испытать полного семейного счастья и третьей дочери Буниных Варваре Афанасьевне. На её пути встретился человек, которого она полюбила и который полюбил её. Известна лишь его фамилия – Марков.

После помолвки, как рассказала Екатерина Елагина: «Маркову нужно было куда-то поехать; прошло несколько месяцев без писем от него; Афанасий Иванович, напуганный несчастием Натальи Афанасьевны, вообразил, что Варвара Афанасьевна оставлена женихом; вследствие истории сестры её, которая в это время сделалась известной, он стал требовать, чтобы Варвара Афанасьевна шла замуж за Юшкова Петра Николаевича, который в это время сватался за неё. Согласие у нее вынудили, и она вышла за человека, которого не любила, с другой привязанностью в сердце. У Маркова, который не забывал её (письмо запоздало почему-то) в самый тот час, когда она венчалась, лопнуло на руке кольцо, подаренное ему Варварой Афанасьевной».

Недобрым было предзнаменование. Но дело сделано. Юшков служил в Туле и увёз туда молодую жену.

Екатерина Елагина дала ей такую характеристику:

«Варвара Афанасьевна была отменно талантлива и во всем имела очень много вкуса. Актрисы тамошнего театра приходили спрашивать её мнения и совета, делали перед ней репетицию. Она была хорошей музыкантшей и, кажется, рисовала. Она умерла чахоткой, от которой не хотела лечиться и которую старалась развить в себе. Она не была счастлива и, кажется, никогда не любила своего мужа, хотя он любил её и был всегда нежен с ней.

...Она оставила четырёх дочерей: Анну, которую с самого рождения отдала своей матери (впоследствии Зонтаг), Марию (Офросимову), Авдотью (сперва Киреевскую, потом Елагину) и Катерину (Азбукину). Петр Николаевич после смерти жены вышел в отставку и поехал жить к овдовевшей тёще своей Буниной в Мишенское».

С семьёй Юшковых тесно связаны юные годы Жуковского... Ведь он рос и воспитывался вместе с дочерьми Варвары Афанасьевны и был с ними очень дружен.

«Всему начертан круг Предвечного рукой...»

Русский писатель, поэт, литературный критик Василий Васильевич Огарков в книге «В.А. Жуковский. Его жизнь и литературная деятельность» рассказывает: «Всё детство, отрочество и юность поэт провёл среди девочек, со многими из которых у него на всю жизнь сохранились задушевные отношения. Это были его племянницы, дети дочерей Марьи Григорьевны. Особенно Жуковский был дружен с девочками Юшковыми, из которых одна – впоследствии Анна Петровна Зонтаг – стала известной писательницей. Несколько позже особенная дружба связывала его с Марьей Андреевной Протасовой, к которой поэт питал восторженную привязанность; но роман с нею был неудачен, и это наложило несколько новых элегических штрихов на поэзию Жуковского».

На предыдущих страницах уже упоминалось о том, что старшая сестра по отцу Варвара – Варвара Афанасьевна, впоследствии по мужу Юшкова – стала крёстной матерью Василия Андреевича. Он рос с её дочками, которые приходились ему племянницами. Биограф указал:

«Окружённый этими друзьями, из которых некоторые отличались чуткостью и восторженностью, убаюкиваемый их нежными заботами и попечениями, поэт рано взрастил в себе то, отчасти сентиментально-платоническое уважение к женщине, которое было так свойственно и многим героям его баллад и элегий. Это молодое и восторженное женское общество являлось постоянной аудиторией поэта: ей он поверял свои вдохновения, ее одобрение служило для него критической меркой, а восторг, с которым встречались ему творения юноши, – наградой. Вся эта ватага молодежи бегала по саду, полям и лугам; среди помянутого общества в разнообразных и живых играх невольно возбуждалось воображение, совершался обмен мыслей и укреплялись симпатичные связи. Стоит прочесть письма поэта к ставшим взрослыми членам этого детского кружка, – письма, исполненные нежной дружбы и, до самой старости Жуковского, какой-то трогательной скромности, – чтоб видеть, насколько сильны у него были связи с друзьями детства, а также и чистую, голубиную душу поэта. Укажем здесь, кстати, и на то, что упомянутый выше девственный ареопаг с ранних лет направлял Жуковского на путь девственной, целомудренной лирики».

Супруга отца Мария Гавриловна фактически взяла на себя роль матери Жуковского. Она ничем не отделяла его от своих детей, столь же серьёзно занималась его воспитанием и столь же пристально руководила его образованием.

В марте 1791 года семья, уже перебравшаяся к тому времени в Тулу, понесла ещё одну утрату – умер Афанасий Иванович Бунин. Осиротела семья, состоявшая в основном из женщин. Единственным мужчиной был в ней восьмилетний Васенька Жуковский.

Отец перед смертью просил заботиться о своём внебрачном сыне, и Мария Гавриловна выполнила просьбу. Даже из доставшихся в наследство от отца дочерям денежных средств она отделила от каждой дочери по две с половиной тысячи рублей и записала их на счёт Жуковского.

Воспитание в чисто женском обществе наложило на него, как отметили биографы, серьёзный отпечаток. Ведь женщин он видел не только в роли своих воспитателей, но детское общество состояло тоже из девочек.

Вскоре Василий Андреевич поселился в доме своей крёстной Варвары Афанасьевны Юшковой.

В биографии Василия Андреевича Жуковского есть один любопытный факт. Мы ведь знаем его не только как выдающегося поэта и переводчика, но и как выдающегося педагога и воспитателя, обучавшего многих особ царствующего дома, а в их числе и наследника престола цесаревича Александра Николаевича, будущего Императора Александра II. То есть

его грамотность, его талант не вызывают сомнения. И представьте... В юные годы, когда он переехал в Тулу к своей старшей сестре и крёстной Варваре Афанасьевне Юшковой и был определён в частный пансион, а затем в Главное народное училище, учёба продолжалась недолго. Василия Жуковского отчислили «за неспособность» к наукам.

Вот тебе и раз!!! Но позвольте, что-то сразу припоминается похожее. А ведь генерал-фельдмаршал Светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин-Таврический, тайный супруг Екатерины Великой, тоже ведь был отчислен из Московского университета, правда, с несколько иной формулировкой – «за леность и нехождение в классы». А капнуть дальше... Ещё более яркий пример – Пётр Александрович Румянцев. Намучавшись с ним, его командиры и воспитатели в Санкт-Петербургском сухопутном кадетском корпусе едва ли не предложили Императрице Елизавете Петровне выбор – Он или Они!

И какие яркие государственные и военные деятели, какие блистательные полководцы вышли! В чём же дело? Да в том, что Пётр Александрович Румянцев получил блестящее домашнее образование – отец занимался с ним. Ну а Потёмкин сделал себя сам. Чтений нужных книг дало очень и очень много.

В годы учебы в Московском университете Потёмкин пристрастился к чтению и проплатывал одну книгу за другой. Летом, приезжая к родственникам в деревню, забирался в библиотеку и, случалось, засыпал с книгой в руках на стоявшем там бильярдном столе.

Однажды его товарищ Матвей Афонин, впоследствии профессор Московского университета, купил специально для Потёмкина «Натуральную философию» Бюффона, только что изданную в России. Потёмкин вернул ему книгу на следующий день. Афонин с обидой упрекнул Григория в том, что тот даже не открыл книгу. Но упреки были напрасными, что доказал Потёмкин великолепным знанием её содержания. В другой раз он сам попросил Ермила Кострова, тоже однокашника, дать с десятка книг. Тот принес их Григорию, а через пять дней все до единой получил обратно.

Как тут было не удивиться? Трудно поверить, что человек способен прочитать за несколько дней такое количество книг. Ермил Костров с насмешкой сказал:

– Да ты, брат, видно, только пошевелил страницы в моих книгах. На почтовых хорошо летать в дороге, а книги – не почтовая езда...

– Я прочитал твои книги от доски до доски, – возразил Потёмкин. – Коли не веришь, изволь, экзаменуй.

Теперь, вслед за Афониным, настал черед удивиться Кострову.

Сергей Николаевич Глинка, побывавший в селе Чижове, поведал о сохранившейся там библиотеке Потёмкина следующее: «Управитель указал мне на старинный шкаф, и первая попавшаяся мне книга была “Слово о священстве” Иоанна Златоуста». Как видим, уже в детские годы были заложены в характере Потёмкина многие черты, которые вели его по жизни. Известно, что был он нелицемерно верующим человеком. Немало свидетельств и его приверженности военному делу, которое он, подобно Суворову, самостоятельно изучал с ранних лет. С.Н. Глинка привёл интересные факты, которые открылись ему во время изучения отроческой библиотеки будущего Светлейшего князя. Во многих книгах он нашёл пометки. Одна из них была сделана на полях возле такого текста: «Если исчислишь военачальников от глубокой древности, ты увидишь, что их трофеи были следствием их военной хитрости, и побеждавшие посредством оной заслужили более славы, нежели те, кои поражали открытою силой, ибо сии последние одерживают верх с великою тратою людей, так что никакой не остаётся выгоды от победы». А рядом рукою Потёмкина: «Правда, сущая правда, нельзя сказать справедливее». Далее Глинка писал: «Вижу другую завернутую страницу и читаю: “Изобилие денег не то, что благоразумие души: деньги истрачиваются”». В отметке Потёмкина сказано было: «И это сущая правда, и я целую эти золотые слова».

Любовь к чтению подчас отвлекала от занятий, но ведь она давала знания, и знания по тем временам увлекательные. Но вдруг после успеха в Петербурге Потёмкин был в 1760 году отчислен из университета «за леность и нехождение в классы».

По-разному объясняли это биографы Потёмкина. Вероятнее всего, охлаждение к наукам произошло оттого, что состав преподавателей университета в то время, среди которых были и подобные тем, что описал Мессельер, оставлял желать лучшего. Запоем читая книги, Потёмкин приобретал знания, которые часто превосходили знания его учителей.

То же самое можно сказать и о Жуковском. Он получил прекрасное домашнее образование в семье, отличавшейся высокой культурой. Особенно это касается супруги Афанасия Ивановича Бунина – Марьи Гавриловны. Недаром о ней современники оставили самые лестные отзывы. Самые лучшие её качества унаследовали и дочери. В семье своей крёстной, Варвары Афанасьевны Юшковой, продолжилось образование Жуковского.

Причём образование сугубо русское, что очень и очень важно. Конечно, золотой екатерининский век несколько поправил положение в домашнем воспитании, которое в период царствования Императрицы Елизаветы Петровны оставляло желать лучшего.

Тогда ведь доходило до смешного. Впрочем, смешно ли? Скорее, можно сказать, горько было. Вот только один пример...

В книге русского историка А.Н. Фатеева «Потёмкин-Таврический», изданной Русским научно-исследовательским объединением в Праге в 1945 году, приводится такой весьма характерный для того времени пример: «Французский посланник при Елизавете Лопиталь и кавалер его посольства Мессельер, оставивший записки, были поражены французами, встреченными в России в роли воспитателей юношества. Это были большей частью люди, хорошо известные парижской полиции. “Зараза для севера”, как он выражается. Беглецы, банкроты, развратники... Этими соотечественниками члены посольства так были удивлены и огорчены, что посол предупредил о том русскую полицию и предложил, по расследовании, выслать их морем».

В семье Буниных, где началось образование Жуковского, да и в семье Юшковых, где оно продолжилось, подобные иноземные проходимцы не приживались. Конечно, попытки приставить всякого рода «немцев» к маленькому Василию делались, но он умел бороться с ними по-своему и в конце концов избавлялся.

В.В. Огарков так рассказал о попытке пригласить бестолкового и жестокого иноземца на роль учителя и об освобождении от него:

«К шестилетнему Васеньке Афанасий Иванович выписал из Москвы “немца”, которого вместе с воспитанником поместили во флигеле. Но этот первый опыт учения окончился неудачно. Немец оказался из породы вральманов и считал главными педагогическими пособиями розги, практикуя, кроме того, над воспитанником порою и тяжёлую пытку, весьма, впрочем, употребительную в учебном обиходе прошлого: ставил питомца голыми коленями на горох. Но любимец всего дома поднимал страшный крик при применениях этого воспитательного артикула, и “вральмана” быстро убрали. Опыты крёстного отца, Андрея Григорьевича, по части привития мальчику учёности тоже были не особенно удачны: Васенька вместо букв рисовал грифелем на доске, а также и мелом на полу и стенах разные фигуры и “рожи”. Мы упоминаем об этом обстоятельстве с целью указать, что ещё в раннем детстве Жуковский обнаружил талант к живописи и впоследствии, как известно, недурно рисовал; его акварели, а также и картины, писанные масляными красками, хранятся у его родственников и друзей».

Воспитание ребёнка должно быть национальным. Только тогда из него выйдет толк. Об этом не уставали писать многие выдающиеся русские педагоги, этому вопросу посвятил немало страниц в своих философских трудах выдающийся русский мыслитель Иван Александрович Ильин.

У Юшковых, в Туле, обстановка была спокойной, благоприятной для доброго воспитания детей. Там часто устраивались литературные вечера, на которых читали свои стихи известные в ту пору поэты, ну и, конечно, декламировали стихи дети. Бывал в гостях и знаменитый энциклопедист и мемуарист Андрей Тимофеевич Болотов.

Ставили в домашнем театре у Юшковых и спектакли. Вот тут-то и проявилась у юного Жуковского творческая жилка. Он написал трагедию «Камилл, или Освобожденный Рим» и драму «Павел и Виргиния». Сыграло роль то, что не вмешивались в воспитание иноземные «мудрецы», ведь один этакий «мудрец» из плеяды, описанной Лопиталем, лишил нас самых первых произведений Пушкина. Кстати, Лопиталь в бытность Императрицы Екатерины II великой княгиней доносил, что «великая княгиня любит чтение».

Пушкину с гувернёром не повезло – прочитав стихи, гувернёр, страдающий, мягко говоря, дефицитом серого мозгового вещества, как и большинство подобных «учителей», со знанием дела заявил юному гению, что они плохие. Пушкин тут же сжёг тетрадь со своими сочинениями.

Сочинения Жуковского никто не сжёг. Напротив, и трагедию, и драму поставили на домашней сцене.

Участвовали по мере сил в постановках все, в том числе и дети – и сам Жуковский и его племянницы Авдотья и Анна – дочери его крёстной Варвары Афанасьевны. Андрей Тимофеевич Болотов нередко был зрителем, а то и участником этих представлений. А о знакомстве с театральной жизнью семьи он отзывался так:

«...поехал я к г. Юшкову и застал у него концерт, какого никогда ещё не случилось мне слышать. Тут провёл я весь вечер и ужинал, и могу сказать, что весь сей день был один из приятнейших в моей жизни».

Итак, рос, учился и воспитывался Василий Андреевич в женской и девичьей среде. Это несло в себе определённые опасности. Огарков отмечал добрые моменты такого воспитания – мягкость, благородное отношение к прекрасному полу, ну и так далее. Но опасность была иной. Теперь учёные доказали эту опасность в научном плане, путём исследования хромосом. Не вдаваясь в подробности, скажем просто. Если девочки, играя постоянно с мальчишками, в мальчишек по объективным причинам превратиться не могут, то есть мужские начала не могут возобладать в них, то с мальчишками дело опаснее – девчонки способны верховодить в играх, наделяя мальчишек женскими началами. Недаром считается, что школы с раздельным обучением приоритетны.

Но я отвлёкся от темы повествования. Действительно, Жуковский рос в женском коллективе. И лишь когда ему исполнилось 14 лет, Мария Григорьевна Бунина отвезла его в Университетский благородный пансион.

Помогал в устройстве давний её знакомый директор Московского университета с 1796 по 1803 год Иван Петрович Тургенев (1752–1807). Он был действительным тайным советником, состоял в масонской ложе вместе с Новиковым.

Наконец-то мужской коллектив. Появились друзья из довольно известных семей России. В их числе сыновья директора Московского университета Александр и Андрей Тургеневы. Дружба с Александром Ивановичем Тургеневым (1784–1846) продолжалась до кончины Тургенева.

Тургенев был хорошо знаком с Пушкиным и многими друзьями Пушкина, в том числе и с князем Петром Андреевичем Вяземским. Он был в квартире Пушкина в траурные дни после дуэли, и он сопровождал гроб Пушкина в Михайловское.

Пушкинист Вадим Старк пишет: «И тот человек, который первым встречал Пушкина в Петербурге, Александр Иванович Тургенев, который помогал с определением в Лицей, (...) он же будет провожать траурный кортеж с телом Пушкина по просьбе Натальи Николаевны, а, точнее, даже по указанию Николая Первого, потому что она хотела, чтобы Данзас это сде-

лал, но Николай Первый считал, что тот виновен, должен понести своё наказание и предложил, чтобы (кортеж провожал) Александр Иванович Тургенев. Вот так сомкнулось кольцо: тот, кто первым встречал Пушкина в Петербурге, провожает его в этот самый последний путь».

Были в числе университетских друзей Блудов, Дашков, Уваров и другие, впоследствии известные люди.

Именно в пансионе, где большое значение уделялось творчеству воспитанников, Жуковский в 1797 году написал «Мысли при гробнице». Эти мысли навеяло печальное для него известие о смерти старшей сестры и крёстной Варвары Афанасьевны Юшковой.

А потом были опубликованы «Майское утро» (1797), «Добродетель» (1798), «Мир» (1800), «К Тибуллу» (1800), «К человеку» (1801) и другие. Тогда же попробовал свои силы и в переводе романа Коцебу «Мальчик у ручья» (Москва, 1801).

Вот, казалось бы, «Майское утро» – гимн Природе, её красотам:

Белорумяна
Всходит заря
И разгоняет
Блеском своим
Мрачную тьму
Черныя ночи.
(...)
Грезы, мечтанья,
Рой как пчелиный,
Мчатся за ним.
(...)
Бабочка пестра
Вьётся, кружится
И лобызает
Нежно цветки.
(...)

И вдруг... Философские строки. Откуда, ведь идёт 1797 год, и Жуковскому всего 14 лет!

(...)
Жизнь, друг мой, бездна
Слёз и страданий...
Счастлив стократ
Тот, кто, достигнув
Мирного берега,
Вечным спит сном.

Но вот 1795 год. Жуковскому 15 лет. И снова удивительные, не по возрасту серьёзные строки... «Добродетель»...

Под звёздным кровом тихой ночи,
При свете бледных луны,
В тени ветвистых кипарисов,
Брожу меж множества гробов.

Повсюду зрю сооруженны
Богаты памятники там,
Порфиром, златом обложенны;
Там мраморны столпы стоят.
Обитель смерти там – покоя;
Усопших прахи там лежат;
Ничто их сна не прерывает;
Ничто не грезится во сне...
Но все ль так мирно почивают,
И все ли так покойно спят?..
Не монументы отличают
И не блестяща пышность нас!
Порфир надгробный не являет
Душевных истинных красот.
(...)

А далее... В пятнадцать лет Василий Жуковский уже понимал такое, что не под силу понять порой и в зрелом возрасте тем, кто видит смысл жизни в стяжательстве, в богатстве, в ложной славе.

(...)
И медны рушатся врата.
Падут и троны и начальства,
Истлеет посох, как и скиптр;
Венцы лавровые поблекнут,
Трофеи гордые сгниют.
(...)

И твёрдо заявлял в заключительных строфах стихотворения, что

(...) останутся нетленны
Одни лишь добрые дела.
Ничто не может их разрушить,
Ничто не может их затмить.
Пред богом нас они прославят,
В одежду правды облекут;
Тогда мы с радостью явимся
Пред трон всемогущего творца.
О сколь священна, Добродетель,
Должна ты быть для смертных всех!

1801 год. Жуковскому восемнадцать! И снова удивительные стихи. «К человеку!»

Ничтожный человек! что жизнь твоя? – Мгновенье.
Взглянул на дневный луч – и нет тебя, пропал!
Из тьмы небытия злой рок тебя призвал
На то лишь, чтоб предать в добычу разрушенья;
Как быстра тень, мелькаешь ты!
(...)

Ты веселишь себя надеждой наслаждений:
Их нет! их нет! Сей мир вертеп страданий, слёз;
Ты с жизнью в него блаженства не принёс;
Терзайся, рвись и будь игрою заблуждений,
Влачи до гроба цепи зол!
Так – в гробе лишь твоё спокойство и отрада;
Могила – тихий сон; а жизнь – с бедами брань;
Судьба – невидимый, бесчувственный тиран,
Необоримая ко счастью преграда!
Ничтожность страшный твой удел!

Жуковский показывает тщетность житейской суеты в сравнении с добрым и вечным, в сравнении с Природой, с Божественным бытием...

Безумец, пробудись! воззри на мир пространный!
Все дышит счастьем, все славит жребий свой;
Всему начертан круг Предвечного рукой, —
Ужели ты один, природы царь избранный,
Краса всего, судьбой забвен?
Познай себя, познай! Коль в дерзком ослепленье
Захочешь ты себя за край миров вознесть,
Сравниться со Творцом – ты неприметна персть!
Но ты велик собой; сей мир твоё владенье,
Ты духом тварей властелин!
Тебе послушно всё – ты смелою рукою
На бурный океан оковы наложил,
Пронзил утесов грудь, перуны потушил;
Подоблачны скалы валятся пред тобою;
Твоё веление – закон!
Все бедствия твои – меты воображенья;
Оружия на них судьбой тебе даны!
Воздвигнись в крепости – и все побеждены!
Великим, мудрым быть – твоё определенье;
А ты ничтожны слезы льёшь!

В какой-то мере это и обращение к себе. К своему 18-летию.

Жуковскому уже довелось повидать и испытать многое. Сложное осознание себя и своего положения в мире, с которым он встретился в детстве, смерть отца и смерть любимой сестры, которая была ему крёстной матерью. Он как бы убеждает себя быть твёрдым в этом мире. Под влиянием окружающей среды формировалось мировоззрение будущего знаменитого поэта, под этим влиянием формировались его творческие взгляды, а творческие взгляды в свою очередь формировали характер. И всё это в значительной степени оказало влияние на судьбу поэта, на судьбу его жизни в поэзии и любви. Ведь в любви ему не было дано испытать счастья – ни счастья всепоглощающего единения с истинно любимой женщиной, ни полного семейного счастья, которое лишь мелькнула сполохом на туманном горизонте.

Но Жуковский стремился сам воспитать себя мужественным борцом с жизненными неурядицами.

Мужайся! – и попрёшь противников стопою;

Твой рай и ад в тебе!.. Брань, брань твоим страстям! —
Перед тобой отверст бессмертья вечный храм;
Ты смерти сломишь серп могучею рукою, —
Могила — к вечной жизни путь!

Во многих произведениях Жуковский касался вопроса жизни и смерти, всякий раз стремясь разрешить этот извечный вопрос в жизни человечества. Помогала вера...

В.В. Огарков отмечал:

«Жуковский рос в религиозной семье, где соблюдение обрядов считалось безусловно необходимой обязанностью. Ребёнком он часто ходил в церковь, слушал там певчих, целовал образа и херувима на царских вратах. Его душу, склонную от природы к умирительным созерцаниям, настраивали на религиозный лад те поминальные службы по его отцу, которые справлялись целый год в их сельском храме. Особенность его положения в семье Буниных, где он всё-таки был приемыш, тоже давала пищу для меланхолических размышлений, естественным переходом для которых является религиозное настроение и обращение опечаленной души к Высшему Существо, способному устроить “все к лучшему”. В этих далеких, но могучих впечатлениях детства, резкими чертами запечатлевшихся в сердце, можно найти немало причин тех мистических и сентиментальных произведений, которыми изобиловала поэзия Жуковского.

Поэзия любви и грусти

Всё творчество Жуковского пронизано любовью, ведь основу составляют самые различные, порою очень острые любовные истории, названные автором романтическими балладами.

Вспомним первую поэму Пушкина. Он назвал её – «Руслан и Людмила». А у его учителя, В.А. Жуковского, первая баллада названа «Людмила». И ведь сюжет тоже, как впоследствии у Пушкина в «Руслане и Людмиле», фантастичен.

Начало же загадочно. Начало о любви...

«Где ты, милый? Что с тобою?
С чужеземною красою,
Знать, в далёкой стороне
Изменил, неверный, мне;
Иль безвременно могила
Светлый взор твой угасила».
Так Людмила, приуныв,
К персям очи преклонив,
На распутии вздыхала.
«Возвратится ль он, – мечтала, —
Из далёких, чуждых стран
С грозной ратию славян?»

Но не вернулся жених, не вернулся друг милый...

Вот проходит ополчение;
Миновался ратных строй...
Где ж, Людмила, твой герой?
Где твоя, Людмила, радость?
Ах! прости, надежда-сладость!
Всё погибло: друга нет.
Тихо в терем свой идёт,
Томну голову склонила:
«Расступись, моя могила;
Гроб, откройся; полно жить;
Дважды сердцу не любить».

Ну и сила молитвы... Обращение к Творцу... Развязка.

Всё не случайно... Ещё в 1797 году четырнадцатилетний Жуковский написал в «Мыслях при гробнице», которые явились отражением впечатлений от смерти В.А. Юшковой: «Живо почувствовал я ничтожность всего подлунного; вселенная представилась мне гробом. Смерть! Лютая смерть! Когда утомится рука твоя, когда притупится лезвие страшной косы твоей?..»

Он на протяжении всей своей жизни думал о том рубеже, который предстоит пройти каждому человеку на Земле.

В 1802 году в стихотворении «Сельское кладбище» он снова обратился к мыслям о человеческом бытии и вечности...

...Скрываясь от мирских погибельных смятений,
Без страха и надежд, в долине жизни сей,
Не зная горести, не зная наслаждений,
Они беспечно шли тропинкою своей.
И здесь спокойно спят под сенью гробовою —
И скромный памятник, в приюте сосн густых,
С непышной надписью и резьбою простою,
Прохожего зовет вздохнуть над прахом их.
Любовь на камне сём их память сохранила,
Их лета, имена потщившись начертать;
Окрест библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.
И кто с сей жизнью без горя расставался?
Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленялся
И взора томного назад не обращал?
(...)

Василий Андреевич не уставал повторять своим детям:

«Помните всегда, что в тот день, когда вы родились на свет, все веселились и радовались, а вы одни плакали; помните это и живите так, чтобы в тот день, когда вы будете умирать, все плакали, а вы бы – радовались. Не забывайте и того, мои милые дети, что после любви к Богу ничто на свете не должно быть священнее любви к Отечеству».

Это говорил человек, мать которого обрела это славное Отечество в годы Русско-турецкой войны (1768–1774 гг).

Но вернёмся к поэме... Там видим похожие мотивы:
Смертных ропот безрассуден;
Царь всевышний правосуден;
Твой услышал стон Творец;
Час твой бил, настал конец.

В этой балладе разговор о любви, о Боге, о силе молитвы, о соединении с любимым за чертой жизни. Здесь мы пока не видим ничего личного, кроме того личного, которое вкладывается в слова о любви.

Будучи писателем и литературным критиком, Василий Васильевич Огарков (1856–1918) в своей книге, посвящённой поэту, точно пометил:

«Кому хотя бы из собственного детства неизвестно действие подобных романтических произведений на живое воображение? И сладко, и жутко становилось при их чтении... Замечательное свойство души человеческой интересоваться ужасами и чувствовать при этом какое-то сладострастное упоение. И вообще в натуре человека есть влечение к “таинственному”, область которого населена ужасами и неразгаданным... Это свойство человеческой души указано Пушкиным в его чудных стихах из “Пира во время чумы”:

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю,
И в разъярённом океане
Средь страшных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,

И в дуновении чумы...
Всё, всё, что гибелью грозит, —
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья может быть залог...»

Далее В.В. Огарков отмечал:

«Всякий помнит, с каким замиранием сердца слушал он в юности “Вия” или “Страшную месть” Гоголя; а Гофман и Эдгар По с их фантастическими рассказами? Главная причина успеха таких произведений кроется в их влиянии на воображение, привлекаемое неразгаданной областью таинственного... Может быть, поэтому таким громадным успехом и пользуется романтическая литература как у детей и юношей, так и в обществах, еще не окончательно созревших в умственном отношении. Мы после подробнее скажем об исторической роли романтизма и о том, каким образом являлся он проводником высоких моральных и социальных учений.

“Ленора” Бюргера — одна из самых талантливых и страшных немецких баллад. Там есть сцены, написанные мастерской рукой и при чтении которых, в особенности под вечер, замирает верующее в “таинственное” сердце. Такова сцена знаменитой фантастической скачки, когда Ленора, обезумевшая от напрасного ожидания милого, забыв и мать, и все на свете, бросается на коня и, прижавшись к приехавшему жениху, мчится с призраком при безжизненном и бледном свете луны. Быстро несутся они, и наконец, бег коня переходит в полет вихря... За ними мчится толпа фантастических призраков и страшных привидений... Попавшаяся на пути похоронная процессия со священником и певчими вовлекается в безумный полет коня... И среди этой бешеной езды, как в бреду горячки, раздается вопрос призрака невесте: “Страшно, милая? Ясно светит месяц! Лихо ездят мертвецы! Боишься мёртвых?..” Так же фантастичен и печален конец баллады, в которую вложен религиозный смысл, кратко выражаемый в возгласах призраков к Леноре: “Терпение, терпение — пусть даже разобьётся твоё сердце!”

Но всё это у Жуковского вышло гораздо слабее, хотя “Людмила» и нравилась современникам”.

Впрочем, хоть в юности и посещали Жуковского такие мысли, сказать, что он рос в сплошной мистике, было бы неправильно.

Многие произведения Жуковского несколько своеобразны, поскольку на них лежит отпечаток несколько своеобразного детства поэта. Представьте себе такую ситуацию... В доме гости. Сын на правах барина, барского дитя, принимает гостей и сам принят за столом как равный, а мать не может даже показаться в гостиной...

Смерть единственного сына Буниных повысила статус маленького Василия. Дочери уже подросли, и Марья Григорьевна Бунина привязалась к малышу, причём стала относиться к нему как к родному сыну. Ну а то, что он явился плодом любовных походов мужа, видимо, не очень сильно её тревожило — в ту пору бывало всяко. Иные барыни сквозь пальцы смотрели на такие вот измены, чисто физиологические, ибо какие уж там могли быть романы любовные. Тем более, женщины зачастую прежде мужей своих теряли интерес к уладам любви. А в данном случае известно, что своего ребёнка Бунины после смерти сына завести уже были не в состоянии, причём по вине именно супруги.

Так что Василий Андреевич был обласкан супругою отца, словно родной сын, а что касается матери, то и сказать трудно, что он знал о своём происхождении в годы младенчества. Марию Гавриловну нельзя назвать его мачехой. Какая мачеха при живой матери? Скорее к ней может подойти определение — вторая мать. Причём, по влиянию на Василия Андреевича, она выходила на первые роли, но не потому, что от этих первых ролей отка-

звалась родная мать, а просто потому, что у родной матери не было таких возможностей, которые были у Марии Гавриловны Буниной.

В.В. Огарков сделал вывод о том, «что многие элегические ноты поэзии Жуковского обязаны тому факту, что мать его являлась рабыней в доме, ставшем сыну родным».

Ну и уточнил: «И та глубокая потребность ласковых, душевных отношений, жившая всю жизнь в сердце поэта, – потребность, выражением которой служили его искренние и трогательные стихотворения, – являлась естественным следствием того, что в нежном детском возрасте, когда душа просит материнской ласки, свободные проявления сыновнего чувства были стеснены».

В какой-то мере это связывало Жуковского с Пушкиным, который тоже в детские годы страдал от недостатка родительской любви, правда, уже совсем по другой причине... В судьбе Пушкина сыграло большую роль то, что он был средним ребёнком в семье, а судьба среднего ребёнка именно такова – родители отдают много внимания старшему ребёнку, который вот-вот вылетит из гнезда, отдают много тепла и любви младшему, на том основании, что он младшенький, и обходят и вниманием и теплом ребёнка среднего. Конечно, так случается далеко не всегда и далеко не со всеми, но... случается часто.

Конечно, некоторое время Мария Гавриловна всё же выдерживала характер, и Афанасию Ивановичу даже пришлось перебраться во флигель, где жила его пассия, но постепенно супруга сменила гнев на милость, и покой в семье был восстановлен.

Крёстным отцом, как уже говорилось, был бедный дворянин Андрей Жуковский, а вот крёстной матерью стала старшая дочь помещика Варвара. Сёстры Жуковского были много него старше, а потому он сдружился с их дочерьми, особенно с дочерьми своей крёстной Варварой Афанасьевной, ставшей по мужу Юшковой.

В.В. Огарков указал:

«Маленький Васенька сделался любимцем семьи: его окружили целым штатом прислуги, он стал “господское дитя”, в силу уже этого отгороженное стеною даже от своей матери, которая только урывками могла дарить ему свои ласки».

Тема семейных драм, любовных драм всегда сопровождала творчество Жуковского, да и не только творчество, но и его личную жизнь.

Далее В.В. Огарков отметил:

«Его раннее детство прошло в богатом, огромном барском доме с толпой прислуги и челяди. Были тут и терпеливые няни, вроде знаменитой няни Пушкина, способные положить душу и жизнь свою за питомцев; были и бесшабашные дворовые “лодыри”... Огромный сад шумел своими вековыми деревьями, и, может быть, там, в тени его, неясно созревали те поэтические вдохновения мальчика, которые потом вылились в чудесных стихах. В саду были садки, пруды, оранжереи, теплицы; невдалеке росла дубовая роща, по долине бежал ручеек, из дома и сада виднелись луга и нивы, село с церковью, – манили просторные дали... В этой обстановке проходило детство поэта, и впечатлительный мальчик сохранил в душе на всю жизнь воспоминание о колыбели своего детства – взлелеявшей его родине... Кто не помнит этой трогательной дани «родимым полям» хотя бы в следующих стихах:

...Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки, —
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая, —
Какое сердце не дрожит,

Тебя благословляя?»

Андрей Тимофеевич Болотов рассказал о знакомстве с Марией Гавриловной Буниной в доме Юшковых...

«...весь вечер провели дома с разными приезжавшими к г. Юшкову гостями и гостившею у него в сие время его тещею Марьею Григорьевною Буниною». Дал и характеристику Варваре Афанасьевне, сказав, что она была «боярыня молодая, очень умная, любопытная и ласковая».

В.В. Огарков в свою очередь отметил в книге: «Отличаясь музыкальными дарованиями, она (Варвара Афанасьевна. – *Н.Ш.*) устраивала у себя литературно-музыкальные вечера, где собиралось большое общество; здесь пелись новейшие романсы, читались только что появившиеся произведения тогдашней, правда, убогой, русской литературы и игрались спектакли. Здесь-то, в обстановке, способствовавшей раннему умственному развитию, возникли впервые в душе Жуковского те художественные стремления, которые были так естественны для его изящной натуры. Здесь, в доме своей крестной матери, поэт в 12-летнем возрасте выступает уже в качестве драматурга. Он написал пьесу “Камилл, или Освобождение Рима”, где взял себе главную роль. Эта пьеса была приготовлена к приезду его приемной матери, Марьи Григорьевны, которая осталась очень довольна выдумкой мальчика. Жуковский удостоился шумного одобрения. В указанном обстоятельстве можно было уже до известной степени видеть предзнаменование дальнейших успехов поэта на литературном поприще.

Самая наружность Жуковского в детстве тоже обещала в нем незаурядного человека. По рассказам знавших его, он был мальчик ловкий и стройный. Из-под черных ресниц блистали умом большие карие глаза, черные брови резко выделялись под большим лбом. Густые, длинные черные волосы вились по плечам. Приятная улыбка, оживленное румянцем лицо, какая-то особенная мечтательность во взгляде – всё это вместе с симпатичным и добродушным характером привлекало к мальчику. Нужно заметить, что все эти качества и впоследствии действовали притягательно на знавших поэта».

Мужское воспитание – залог удач в любви

Но мы снова возвращаемся к важному вопросу в воспитании каждого отрока, каждого юноши. Многим кажется, что армия – это, как её называют те, кто боятся службы, – солдафонство, солдатчина, грубость... Не лучше ли уберечь от всего подобного, не лучше ли растить и лелеять в доме, как некий цветок? Жуковский долгое время был вот этим самым цветком. И что могло получиться? Но военная служба в России всегда была почётной и приоритетной для мужчин. В восемнадцатом веке даже дошло до того, что детей записывали в полки с младенчества. Конечно, с пелёнок в строй не ставили, но едва отрок подрастал, начиналась настоящая служба, нередко в пятнадцать-шестнадцать лет, а то и ранее.

В книге В.В. Огаркова читаем:

«Ещё ребенком он (Жуковский) был записан в гусарский полк сержантом, а в 1789 году произведен в прапорщики и даже принят (конечно, на бумаге) в штат генерала Кречетникова младшим адъютантом, что являлось весьма быстрой карьерой для Жуковского, которого, впрочем, вскоре отставили от службы “по прошению”, “без награждения чином”. Неудачное учение Жуковского, а также и традиции того времени, считавшие военную службу самой почётной для представителей высшего сословия, заставили родных Жуковского вновь подумать о его уже действительном определении в какой-нибудь полк. В этом взялся помочь знакомый родственников поэта майор Постников. Мальчика одели в мундир и отправили с майором в Петербург. Здесь поэт стал свидетелем зрелища, воспоминание о котором надолго удержалось в его памяти. Ему достали в Зимнем дворце, на хорах, во время большого выхода место, откуда он в первый и последний раз в жизни увидел Императрицу Екатерину II и её блестящий двор. Может быть, к этому моменту, поразившему живое воображение мальчика, относятся строфы из известного стихотворения “Царскосельский лебедь”, в котором поэт изображает как бы себя: “Но не сетуй, старец, прашур Лебединый, / Ты родился в славный век Екатерины!”»

Жуковский не раз ещё будет обращаться к золотому екатерининскому веку, и, словно следуя по его стопам, к событиям екатерининского царствования проявит своё пристальное внимание Пушкин, считавший себя учеником Василия Андреевича.

Василию Андреевичу, воспитанному в женском коллективе, нужна была армия, нужна была служба. Но издержки елизаветинского времени, когда можно было дойти порой до высоких армейских чинов, находясь «на домашнем коште», а попросту, оставаясь в родительском доме, те издержки, которые начала изживать Императрица Екатерина Великая, окончательно ликвидировал Император Павел Петрович, запретивший «приём в войска малолетних».

В.В. Огарков рассказал:

«Мальчик пробыл с Постниковым в Кексгольме, среди военных, два месяца и затем вернулся в Тулу. Всё-таки за время этой поездки с майором ему привелось наблюдать несколько любопытных военных эпизодов; так, он видел “бога войны” Суворова, которого встречали пушечной пальбой с бастионов крепости».

Словом, в 1802 году Жуковский вышел в отставку и в апреле возвратился в Мишенское. Мягкость и доброта ещё долго превалировали в характере Жуковского, хотя после Священной памяти Двенадцатого года мы увидим его уже несколько иным. Тогда же изменится и характер его творчества.

А пока он учился, ну и конечно буквально утопал в цветнике, состоящем из его привлекательных и миловидных племянниц. Кстати, они с восторгом приняли упомянутое выше «Сельское кладбище», которое явилось переводом сентиментального поэтического творе-

ния английского поэта Томаса Грея (1716–1771). С виду задорный, не лишённый юмора, всегда весёлый Василий Жуковский, тем не менее не оставлял темы «тщеты всего земного».

В дни, когда я писал этот материал, пришло печальное известие об уходе в лучший мир Владимира Михайловича Зельдина, человека и актёра удивительного, уникального, которого ни при каких обстоятельствах нельзя причислить в серой массе лицедеёв на сцене. Во многих передачах в тот день повторяли слова Зельдина о том, что в земном мире мы можем назвать своим, своей собственностью, только свою бессмертную душу. Эти мысли как раз и проходили через творчество Жуковского.

А ведь каждого из нас посещают такие мысли, все мы думаем о бренности земного. И хочется сказать:

Да, всё уходит постепенно,
Всё исчезает не спеша,
И лишь нетленна в мире тленном
Высоких помыслов душа...

Ведь эти мысли волновали во все времена, волнуют и ныне. Когда стихотворение, содержащее эти строки, было положено на музыку учительницей из Мытищ Ольгой Молодовой и исполнено ею вместе с сестрой, тоже учительницей, я обратил внимание на особое отношение к исполнению этой песни на творческих вечерах.

Ну а на рубеже восемнадцатого – девятнадцатого веков мистические начала в творчестве особенно были в моде.

Несчастливая любовь

Жуковский подрастал, мужал, а вокруг него кипели любовные драмы и трагедии в судьбах его сестёр. Сёстры были значительно старше него, а потому не всё в их жизни было понятно, да и не всё известно. Другое дело племянницы. С ними сложились самые добрые, чуткие отношения.

Если племянницы – дочери старшей сестры – были почти что его сверстницами, то дочери Варвары Афанасьевны, его крёстной матери, моложе. Перед ними – Марией и Сашенькой – он уже выступал как учитель...

Именно своей племяннице Сашеньке Протасовой поэт посвятил балладу «Светлана», написанную в 1808 году. Сашеньку некоторые литературоведы даже причисляли к возлюбленным Василия Андреевича. Но это не так. Жуковский был влюблён в старшую сестру Александры – Марию. Да и посвящение обозначено: «А.А. Воейковой». То есть урождённой Протасовой, вышедшей замуж за Александра Фёдоровича Воейкова (1778–1839), поначалу друга Жуковского, поэта, переводчика и литературного критика, а в последующем, не без содействия Василия Андреевича, ставшего издателем и даже членом Российской академии (1819). Воейков предал Жуковского. Но об этом – в своё время.

Если «Людмила» была переводом, то «Светлана» написана практически как оригинал. Правда, и в этой балладе сюжет отчасти позаимствован в поэме «Ленора» немецкого поэта Готфрида Бюргера. Но в отличие от трагизма поэмы «Людмила», в «Светлане» хороший конец:

На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот
Статный гость к крыльцу идёт...
Кто?.. Жених Светланы.
Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; всё тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
То ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Александра Андреевна (Сашенька) Протасова (1795–1829), племянница и крестница Василия Андреевича, считалась музой поэтов Н.М. Языкова и И.И. Козлова. В некоторых стихотворениях проскальзывают строки, которые несколько сбивают с толку. Вот стихотворение И.И. Козлова:

К другу В<асилию> А<ндреевичу> Ж<уковскому> по возвращении его из путешествия...

Светлана добрая твоя
Мою судьбу переменила,
Как ангел божий низлетя,
Обитель горя посетила —
И безутешного меня
Отрадой первой подарила.
Случалось ли когда, что вдруг,
Невольной угнетён тоскою,
Я слезы лил, — тогда, мой друг,
Светлана плакала со мною;

Датировано стихотворение 1822 годом.

Слышите намёк в словах «Светлана добрая твоя»? Но ведь сказано Светлана! Ничего удивительного. В литературных кругах Александру Воейкову, урождённую Протасову, называли Светланой. Оттого ли, что это имя нравилось ей больше, и потому Жуковский назвал балладу, ей посвящённую, «Светлана»? А может, как раз наоборот — так стали называть после поэмы. Речь в балладе не о несчастной любви. Жуковский создал поэтическое произведение, наполненное надеждами, радостью, отойдя от настроения мрачной «Леноры». Он посвятил её племяннице, в ту пору ещё не испытавшей горя и унижений, ещё расцветающей чудным цветком. Он любил её, как и всех сестёр, как и всех племянниц, искренней, чистой братской любовью. Этой любовью он любил всех, кроме одной, кроме Машеньки, Марии Андреевны Протасовой, которой отдал своё сердце и руки которой собирался просить у своей сестры.

А предыстория этой любви такова...

Младшая дочь Буниных Екатерина Афанасьевна, которая, как помним по рассказам её внучки Екатерины Елагиной, побывала «в ссылке» сибирской, сопровождая старшую свою сестру, возвратившись в Тульскую губернию, вышла замуж за тульского губернского предводителя дворянства Андрея Ивановича Протасова. В 1805 году, после смерти мужа она переехала из своей деревни Муратово в Белёв. В.В. Огарков отметил: «Как женщина умная она сознавала, что детям необходимо дать образование. Жуковский, живший в Мишенском и видевший расстроенные дела Екатерины Афанасьевны, взялся помогать ей в деле образования дочерей, к чему его, конечно, склоняло и влечение к симпатичным девочкам. Действительно, по рассказам знавших их современников, это были прекрасные существа...»

Жуковский с энтузиазмом взялся за дело. Он составил свой, своеобразный учебный план занятий, в который включил и занятия по русскому языку, и изучение русской литературы. Конечно, включил и произведения иностранных авторов — Шиллера и Гёте, Шекспира, Расина, Корнеля, Вольтера, Руссо. Познакомил племянниц с произведениями Ювенала и Горация.

Известно, что настоящий педагог, готовясь к занятиям, учится сам. Ведь уже избитое, известное, много раз пройденное повторять неинтересно.

Кроме литературы Жуковский занимался с племянницами философией и даже живописью. Он ведь и сам отлично рисовал. Немало осталось эскизов, набросков и даже небольших полотен, посвящённых живописным краям, в которых проходили детство, отрочество и юность поэта.

Жуковский жил в Мишенской и ежедневно ходил в Белёв к своим ученицам. По дороге было о чём подумать. Занятия занятиями, но дело молодое и сердцу не прикажешь...

В 1807 году он посвятил Маше несколько строк, подписав «М. на новый Год при подарке книги»:

На новый год в воспоминанье
О том, кто всякий час мечтает о тебе!
Кто счастье дней своих, кто радостей исканье
В твоей лишь заключил, бесценный друг, судьбе..

Да, он полюбил свою племянницу Машеньку, хотя понимал, что любовь эта бесперспективна. И он обещал своей сестре Екатерине Афанасьевне держать в тайне свои чувства. Екатерина Афанасьевна верила в порядочность и честность своего сводного брата, любимца всей семьи, всех сестёр, фактически воспитанного сёстрами. Но вера верой, а всё же Екатерина Афанасьевна старалась присутствовать на занятиях своего сводного брата с Машей и Александрой. Она часто вмешивалась, делала замечание, чем мешала Жуковскому вести уроки. Но даже не это возмущало его. Он считал, что Екатерина Афанасьевна слишком строга и часто несправедлива к Маше. Зная, что сестра читает его дневник, чему он и не противился, понимая, что ей хочется точно знать о его планах относительно Маши, Жуковский специально сделал такую запись:

«Тяжело и несносно смотреть на то, что Машенька беспрестанно плачет; и от кого же? От вас, своей матери! Вы её любите, в этом я не сомневаюсь. Но я не понимаю любви вашей, которая мучит и терзает. Обыкновенная брань за безделицу... Но какая ж брань? Самая тяжёлая и чувствительная! Вы хотите отучить её от слёз; сперва отучитесь от брани...»

К сожалению, это не подействовало.

Что же оставалось Жуковскому? Да то, что остаётся в таких случаях поэту. Он писал стихи... Причём он не мог даже поверить бумаге настоящее имя своей любимой.

В 1808 году стало окончательно понятно, что любовь вряд ли может привести к их соединению брачными узами. Крик души слышен в стихотворение, которое поэт назвал: «К Нине. Послание»:

О, Нина, о, Нина, сей пламень любви
Ужели с последним дыханьем угаснет?
Душа, отлетая в неизвестный край,
Ужели во прахе то чувство покинет,
Которым равнялась богам на земле?
Ужели в минуту боренья с кончиной —
Когда уж не буду горящей рукой
В слезах упоенья к трепещущей груди,
Восторженный, руку твою прижимать,
Когда прекратятся и сердца волненье,
И пламень ланитный — примета любви,
И тайные страсти во взорах сиянье,
И тихие вздохи, и сладкая скорбь,
И груди безвестным желаньем стесненье —
Ужели, о Нина, всем чувствам конец?
Ужели ни тени земного блаженства
С собою в обитель небес не возьмем?
Ах! с чем же предстанем ко трону Любви?
(...)

Послание, как и очень многие поэтические произведения Жуковского, очень длинное. И завершается оно мыслями об ужасе могилы и о соединении бессмертных душ. Жуковский так и не избавился от мистических начал в творчестве, столь присущих в отрочестве и юности.

Мой друг, не страшися минуты конца:
Посланником мира, с лучом утешенья
Ко смертной постели приткнув твоей,
Я буду игрою небесных арф
Последнюю муку твою улаживать;
Не вопли услышишь грозящие смерти,
Не ужас могилы узришь пред собой:
Но глас восхищенный, поющий свободу,
Но светлый ведущий к веселию путь
И прежнего друга, в восторге свиданья
Манящего ясной улыбкой тебя.
О, Нина, о, Нина, бессмертье наш жребий.

А в семье Протасовых жизнь продолжалась.

В 1810 году Екатерина Афанасьевна завершила строительство дома в Муратове Орловской губернии и переехала туда со всей семьёй.

Жуковский тоже поспешил на Орловщину, чтобы быть рядом. Он поселился в соседней деревне под названием Холх, где оказался соседом семьи А.А. Плещеева.

Когда мы слышим фамилию Плещеев, то, конечно, в первую очередь думаем, что речь идёт о русском писателе и поэте Алексее Николаевиче Плещееве (1825–1893), современнике Достоевского, петрашевце, авторе стихов более чем к ста романсов.

Но в данном случае имеется в виду Александр Алексеевич Плещеев (1778–1862), тоже русский писатель, драматург, но и государственный деятель, статский советник.

Плещеевы проводили великолепные литературные вечера, на которых супруга Александра Алексеевича Анна Ивановна пела романсы мужа на стихи поэтов того времени, в том числе и Жуковского.

В 1811 году ушла из жизни Мария Гавриловна Бунина. Екатерина Елагина отметила: «Отношение её к Елизавете Дементьевне, которая считала себя второй женой Бунина, по турецкому обычаю, были всегда самые лучшие. Елизавета Дементьевна так любила её, что не могла пережить, скончалась через несколько дней после Марии Григорьевны. Она схоронена в Ново-Девичьем монастыре».

Так Василий Андреевич Жуковский в течении месяца лишился двух очень близких ему людей. История не сохранила точного указания, к которой из своих матерей – родной или признавшей его сыном – он испытывал более чувств сыновних. Ведь он стал осознавать себя на земле уже помещичьим сыном, а родную мать видел в прислугах, хоть и особо доверенных, но не допускаемых, к примеру, к столу. Родная мать ухаживала за его сёстрами, а те учили её русскому языку. Она была как второй хозяйкой в доме, но на уровень барыни её не поставили. Сословные привилегии и правила оказались сильнее чисто человеческих отношений.

Жуковский оказался ещё более тесно привязан к семье своей сестры Екатерины Афанасьевны.

Но как же жил он со своей любовью в сердце, причём с любовью, которую обязан был скрывать от возлюбленной? Да и возможно ли было скрыть такое чувство, при том условии, что оно не было безответным?

3 августа 1812 года, когда уже бушевала война, на одном из семейных праздников Василий Андреевич исполнил песню, написанную А.А. Плещеевым на его стихотворение «Пловец».

Вихрем бедствия гонимый,
Без кормила и весла,
В океан неисходимый
Буря чёлн мой занесла...
В тучах звёздочка светилась,
«Не скрывайся!» – я взывал;
Непреклонная сокрылась...
Якорь был и тот пропал!
Всё оделось чёрной мглою:
Всколыхались валы;
Бездны в мраке предо мною;
Вкруг ужасные скалы.
«Нет надежды на спасенье!» —
Я роптал, уныв душой...
О, безумец! Провиденье
Было тайный кормщик твой.
Невидимою рукою,
Сквозь ревущие валы,
Сквозь одеты бездны мглою
И грозящие скалы,
Мощный вёл меня хранитель.
Вдруг – всё тихо! мрак исчез;
Вижу райскую обитель...
В ней трёх ангелов небес.
О, спаситель-провиденье!
Скорбный ропот мой утих;
На коленях, в восхищенье,
Я смотрю на образ их.
О! кто прелесть их опишет?
Кто их силу над душой?
Всё окрест их небом дышит
И невинностью святой.
Неиспытанная радость —
Ими жить, для них дышать;
Их речей, их взоров сладость
В душу, в сердце принимать.
О, судьба! одно желанье:
Дай все блага им вкусить;
Пусть им радость – мне страданье;
Но... не дай их пережить.

Видимо, Екатерина Афанасьевна поняла по-своему смысл стихотворения, отнесла его на счёт горячих чувств Жуковского к Машеньке. «Вижу райскую обитель... В ней трёх ангелов небес». Не её ли дочери имеются в виду? Да, названы три, но любовью сердце Жуковского пылает к одной! К остальным тоже любовь, но тут уж точно только братская, искренняя, нежная, но братская. «О! кто прелесть их опишет? Кто их силу над душой? Всё окрест их небом дышит... И невинностью святой».

Да все были юными, непорочными, и все прелестны. Но Машенька!!! К ней отношение у Жуковского особое. Тут уж ясно. И что же дальше? «О, судьба! одно желание: Дай все блага им вкусить; Пусть им радость – мне страданье; Но... не дай их пережить!». Услышав эти слова, Екатерина Афанасьевна поняла, что хотел сказать поэт. И никто тогда не знал судьбу пожелания в строках: «Но... не дай их пережить!». Об этом дальше...

Екатерина Афанасьевна посчитала, что этим своим стихотворением Василий Андреевич нарушил данное ей слово... Как уж она выразила своё неприятие случившегося, доподлинно не известно, но Жуковский наутро уехал из Муратова...

Собственно, только ли «Пловец» вызвал подозрения и привёл к размолвке Жуковского с его сестрой? А разве романс «Жалоба», написанный на одноимённое стихотворение Жуковского, не говорил, а точнее даже, не кричал о его любви?

Над прозрачными водами
Сидя, рвал услад венков;
И шумящими волнами
Уносил цветы поток.
«Так бегут лета молодые
Невозвратною струей;
Так все радости земные —
Цвет увядший полевой.
Ах! безвременной тоскою
Умерщвлён мой милый цвет.
Все воскреснуло с весною;
Обновился божий свет;
Я смотрю – и холм весёлый
И поля омрачены;
Для души осиротелой
Нет цветущия весны.
Что в природе, озаренной
Красотою майских дней?
Есть одна во всей вселенной —
К ней душа, и мысль об ней;
К ней стремлю, забывшись, руки —
Милый призрак прочь летит.
Кто ж мои услышит муки,
Жажду сердца утолит?»

В письме к Авдотье Петровне Киреевской (1789–1877), дочери своей сестры Варвары Афанасьевны, Екатерина Афанасьевна признавалась:

«Моя надежда вся на Бога; он видит истинное моё желание исполнить предписание Его святой воли, установленной церковью, которой глава есть Христос. С добрым, милым моим Жуковским также было у нас изъяснение, после которого тоже, мне кажется, нельзя

ему иметь надежду, чтоб я когда-нибудь согласилась на незаконный брак, или лучше просто, потому что тут браку нет. На него я мало надеюсь, он долго не возвратит своего спокойствия, особливо в здешней стороне. Голову поэта мудрено охладить, он уже так привык мечтать; да и в законе христианском все, что против его выгоды, то кажется ему предрассудком».

Екатерина Афанасьевна некоторое время пыталась уйти от правды. Она пыталась и себя и других убедить, что любовь Жуковского к Машеньке вовсе не такая, какой её воспринимают и окружающие, да и сами влюблённые, что это братская любовь. Касаясь чувств Марии, она писала своим сёстрам из Дерпта: «За Машеньку же я вам ручаюсь, что она давно вышла из заблуждения, да и никогда страсти не знала, но любила его, как милого и любезного всей моей семье человека».

Но Жуковский, тоскую по своей возлюбленной, писал А.И. Тургеневу: «Я люблю Машу (с тобою можно дать ей это имя), как жизнь. Видеть её и делить её спокойное счастье есть для меня всё. И для неё также. (...) Сердце рвётся, когда вообразу, какого счастья меня лишают, и с какой жестокостию, нечувствительною холодностию».

В.В. Огарков считал, что любовь к Маше повлияла на всё творчество поэта:

«Несчастливая любовь к Марье Андреевне, с которой поэт сдружился с юных лет и с которой имел, как любили тогда говорить, “сродство душ”, составляла рану Жуковского; рана эта часто растревлялась и являлась, как упомянуто нами и ранее, одной из причин того меланхолического тумана его поэзии, который придает однообразный колорит многим его произведениям».

Дружеское сближение с сёстрами Протасовыми относится к годам, непосредственно последовавшим за “Греевой” элегией и началом литературной деятельности Жуковского. Что бы ни говорили о глупой “сентиментальности” таких продолжительных платонических отношений влюблённых, позволявших им ворковать на протяжении целого десятка лет, – тот, кто познакомится с перепиской Жуковского с Протасовой, почувствует в ней милую струю светлого и идеалистического чувства и услышит трогательную жалобу не получившего должного счастья сердца, насмешка над которыми была бы кощунством... Так теперь не пишут, и, право, чем-то благоуханным веет с этих страниц, продиктованных нежным влечением сердца и светлыми воспоминаниями юности».

И тут гранула Отечественная война 1812 года...

Отчасти потому, что не удалось связать свою жизнь с любимой, Жуковский рвался в армейский строй. Сколько свалилось на него бед! Смерть его воспитательницы, его, можно сказать, второй матери Марии Гавриловны Буниной, затем, вскоре после того, смерть и родной матери Елизаветы Дементьевны Турчаниновой (турчанки Сальхи).

«Вихрем бедствия гонимый»

Жуковский вновь стал добиваться возвращения в армейский строй и поступил на службу в Московское ополчение, правда, в Бородинском сражении участия не принял, но не по своей воле. Дело в том, что Московское ополчение вместе с пехотным корпусом генерал-лейтенанта Николая Алексеевича Тучкова было поставлено Кутузовым в Утицкий лес за левым флангом армии князя Багратиона. Этот резерв, силою до 18 тысяч штыков, Кутузов предполагал использовать в сражении в нужный момент. Он говорил: «Когда неприятель истощит все свои силы, я пошлю ему скрытое войско в тыл».

Предатель барон Беннигсен лишил Кутузова этого ударного кулака. В канун сражения он вывел корпус Тучкова на открытый скат высоты под ядра французской артиллерии крупнейшего по тем временам калибра. Но Московское ополчение было оставлено в лесу, и о нём словно забыли, ведь оно было подчинено командиру корпуса генерал-лейтенанту Николаю Алексеевичу Тучкову для совместных действий при нанесении контрудара.

Но что же там случилось?

Существуют свидетельства историков, подтверждающие, что Кутузов планировал полный и окончательный разгром французов на Бородинском поле. Что же помешало? Кутузов любил повторять: «...резервы должны быть оберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который ещё сохранил резерв, не побеждён». Вот и в Бородинском сражении резервы, по плану Кутузова, должны были окончательно решить дело. Первый кавалерийский корпус генерала Уварова и казачий корпус генерала Платова предназначались для сильного удара справа и глубокого рейда по тылам врага, сковывающего манёвр французов. Они своё дело сделали и, как известно, сорвали намерение Наполеона нанести решительный удар в центре. Но наиболее важная роль отводилась 3-му пехотному корпусу генерал-лейтенанта Николая Алексеевича Тучкова, усиленному Московским ополчением.

Правильно предвидя, что главный удар Наполеон нанесёт против левого фланга русских, что он атакует именно Семёновские флеши, Кутузов собирался измотать и обескровить ударные группировки врага в жестком оборонительном бою. Мало того, самим построением боевого порядка Кутузов заманивал французов на левый фланг, поскольку намеренно делал так, что он казался более слабым, чем правый. Неслучайно он поручил его беспримерно храброму и решительному Багратиону. Он знал, что тот выстоит, не отступит ни на шаг. Ну а когда французы выдохнутся, Кутузов планировал внезапно ударить во фланг обескровленной их группировки восемнадцатитысячным резервом, скрытым до времени в Утицком лесу. План был детально продуман. Для того чтобы французы не догадались о размещении крупного резерва русских, Кутузов приказал окружить Утицкий лес четырьмя полками егерей. И французы ни за что заранее не узнали бы о готовящемся ударе, если бы не Беннигсен...

Начальник главного штаба французской армии маршал Бертье признался, что если бы Тучков со своим корпусом и Московским ополчением явился, как рассчитывал Кутузов, к концу боя за Семеновское, то «появление этого скрытого отряда... во фланге и тылу французов при окончании битвы было бы для французской армии губительно...»

Так почему же этого не произошло, почему не был осуществлен блистательный план Кутузова? Под вечер 25 августа 1812 года, когда русская армия заканчивала последние приготовления к генеральному сражению с французскими полчищами, ставленник Александра I (Симеона) барон Беннигсен, тайно от Кутузова, направился на левый фланг в корпус генерал-лейтенанта Николая Алексеевича Тучкова. Беннигсен знал о резерве, знал, для чего он планировался. Корпус, как и полагалось, находился в лесу.

Беннигсен вызвал командира корпуса генерал-лейтенанта Николая Алексеевича Тучкова и приказал ему немедленно выдвинуть корпус из леса на открытый склон и поставить

впереди егерских полков. Тучков был крайне удивлён распоряжением. Он сообщил барону, что разметил корпус в засаде по личному приказу Кутузова, и разъяснил цель, стоящую перед ним и Московским ополчением. Беннигсен заявил, что это всё ему известно и действует он в соответствии с новым решением главнокомандующего. Барон всеми силами добивался своей цели, не гнушаясь даже наглой лжи. Тучкову пришлось повиноваться, ведь Беннигсен являлся прямым начальником. В результате контрудар, на который так рассчитывал Кутузов, был сорван. Мало того, приказ Беннигсена стоил жизни Багратиону и двум братьям Тучковым (Николаю Алексеевичу и Александру Алексеевичу), которые встретили врага лицом к лицу на открытой местности – Беннигсен позаботился о том, чтобы времени на укрепление позиции не осталось совсем.

Трудно сказать, насколько прапорщик Жуковский мог быть посвящён во все тонкости стратегии Кутузова. Скорее всего, он не имел возможности вникнуть во все подробности, иначе бы в своём знаменитом «Певце во стане Русских воинов» не говорил бы по-доброму о негодяе Беннигсене. Впрочем, остальные герои, о которых сказал своё слово поэт, более чем достойны его боевых, горячих поэтических строк.

Даже само начало стихотворения говорит о том, что Жуковский пережил то тревожное и одновременно волнующее чувство ожидания боя, ожидание великого события, священного события...

П е в е ц
На поле бранном тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здесь светит нам луна,
Здесь кров небес над нами,
Наполним кубок круговой!
Дружнее! руку в руку!
Запьем вином кровавый бой
И с павшими разлуку.
Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О всемогущее вино,
Веселие героя!

С первых дней службы полились пламенные стихи...

В рядах Отечественной рати
Певец, по слуху знавший бой,
Стоял он с лирой боевой
И мщенье пел для ратных братии!

В письме к великой княгине Марии Николаевне он так показал свои ощущения в канун сражения:

«Две армии стали на этих полях одна перед другою... Все было спокойно. Солнце село прекрасно, вечер наступил безоблачный и холодный; ночь овладела небом, и звезды ярко горели, зажглись костры... В этом глубоком, темном небе, полном звезд и мирно распростертом над двумя армиями, где столь многие обречены были на другой день погибнуть, было что-то роковое и несказанное...».

И ещё... Он слышал грохот великой битвы, но его соединение оставалось в резерве, в ожидании приказа, так и не поступившего. И поэта поразил контраст... Кровопролитная схватка и то, что «небо тихо и безоблачно сияло над бьющимися армиями...».

Жуковскому довелось участвовать в сражении при Красном, которое продолжалось четыре дня с 3 по 6 ноября 1812 года. Красное находится в 45 км к юго-западу от Смоленска. Враг уже был отброшен от Москвы, он отступал и терпел одно за другим тяжёлые поражения. Но Василию Андреевичу не суждено было участвовать во всём победоносном походе Русской армии. Он тяжело заболел горячкой, был на грани жизни и смерти, а после излечения вынужден был вернуться в Муратово. Это случилось в январе 1813 года.

Там он и создал своё бессмертное стихотворение «Певец во стане русских воинов».

Но и в боевом стихотворении Жуковский нашёл место сказать о любви...

В о и н ы

О! будь же, други, святость уз
Закон наш под шатрами;
Написан кровью наш союз:
И жить и пасть друзьями.

П е в е ц

Любви сей полный кубок в дар!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жар:
Любовь – одно со славой.
Кому здесь жребий уделен
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцем сердцу обручён,
Тот смело, с бодрой силой
На всё великое летит;
Нет страха; нет преграды;
Чего-чего не совершит
Для сладостной награды?
Ах! мысль о той, кто всё для нас,
Нам спутник неизменный;
Везде знакомый слышим глас,
Зрим образ незабвенный;
Она на бранных знаменах,
Она в пылу сраженья;
И в шуме стана и в мечтах
Весёлых сновиденья.
Отведай, враг, исторгнуть щит,
Рукою данный милой;
Святой обет на нём горит:
Твоя и за могилой!
О сладость тайная мечты!
Там, там за синей далью
Твой ангел, дева красоты,
Одна с своей печалью,
Грустит, о друге слёзы льёт;
Душа её в молитве,

Боится вести, вести ждёт:
«Увы! не пал ли в битве?»
И мыслит: «Скоро ль, дружный глас,
Твои мне слышать звуки?
Лети, лети, свиданья час,
Сменить тоску разлуки».
Друзья! блаженнейшая часть
Любезных быть спасеньем.
Когда ж предел наш в битве пасть —
Погибнем с наслажденьем;
Святое имя призовём
В минуту смертной муки;
Кем мы дышали в мире сём,
С той нет и там разлуки:
Туда душа перенесёт
Любовь и образ милой...
О други, смерть не всё возьмёт;
Есть жизнь и за могилой.

В стихотворении он нашёл возможность сказать о бессмертии праведной души. Стихотворение было представлено вдовствующей императрице Марии Фёдоровне, и она пригласила поэта к себе для аудиенции. Жуковский вспоминал:

«Кое-как накопил у приятелей мундирную пару. Я не струсил: желудок мой был в исправности, следственно, и душа в порядке».

Семейная драма крестницы Жуковского

У Екатерины Афанасьевна Протасовой, урождённой Буниной (1771–1848), было, как уже говорилось, две дочери – Мария (1793–1823) и Александра (1795–1829).

Младшая, Александра, была крестницей Жуковского. Напомним, полюбил поэт старшую – Марию, которая была моложе его на десять. Сашенька была моложе на двенадцать. И так вышло, что именно он стал невольным источником большой жизненной трагедии своей крестницы.

После окончания Отечественной войны 1812 года в гости к Василию Андреевичу частенько заезжал его фронтовой друг Александр Фёдорович Воейков (1779–1839), с которым они вместе воевали в ополчении. После того как Жуковский оставил по болезни армейский строй, Воейков продолжал воевать вплоть до расформирования ополчения. В глазах девушек он был воином, овеванным ореолом участника знаменитых событий. К тому же оказался он интересным рассказчиком, армейским историям которого не было числа. Воейкова очаровала младшая из сестёр Протасовых – Сашенька.

Она была девушкой необыкновенной. Сохранились письма Жуковского к Тургеневу, в которых он так отзывался о ней:

«Моя Сашка есть добрый, животворный гений, вдруг очутившийся между нами... То чувство, которое соединит вас друг с другом, есть обновление нашей с тобой дружбы: у нас есть теперь одно общее благо! В её свежей душе вся моя прошлая жизнь. Но и тебе надобно для твоего счастья уничтожать в нём всё, что принадлежит любви, а сделать из него просто чистую, возвышенную жизнь».

Об этом времени В.В. Огарков рассказал в книге «В.А. Жуковский. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк»:

«В Муратове к 1814 году появилась новая личность – умный, хитрый, но нравственно низкий Воейков. Благодаря своей ловкости, остроумию и лицемерию он довольно скоро втерся ко всем в доверие и стал очень недоброжелательно относиться к своему приятелю-поэту. Василий Андреевич, проведя целый год в надежде и сомнениях, опять решился попытать счастья; но Екатерина Афанасьевна стояла на своём. Положение Жуковского, в особенности в присутствии Воейкова, становилось невыносимым, и он уехал из Муратова в Долбино, к племянницам Анне и Авдотье Петровне, с которыми состоял, как мы и ранее указывали, в дружеских отношениях».

Несмотря на то что Воейков, по словам Ф.Ф. Вигеля, «был мужиковат, аляповат, неблагороден», Сашенька, очарованная его боевыми рассказами, в которых он всегда выставлал себя героем, разумеется, многое, если не всё, сочиняя, увлеклась им.

Между тем отъезд от Протасовых, отчасти вернул покой в душу Жуковского, хотя, конечно, несчастная любовь его надолго, если не на всю жизнь, осталась незаживающей раной.

В Муратове Жуковский написал «Эолу арфу»... И снова разговор о любви, о прекрасной барышне...

(...)

Младая Минвана

Красой озаряла родительский дом;

Как зыби тумана,

Зарёю златимы над свежим холмом,

Так кудри густые

С главы молодой

На перси молодые,
Вияся, бежали струей золотой.
Приятней денницы
Задумчивый пламень во взорах сиял:
Сквозь тёмны ресницы
Он сладкое в душу смятенье вливал;
Потока журчанье —
Приятность речей;
Как роза дыханье;
Душа же прекрасней и прелестей в ней.
Гремела красою
Минвана и в ближних, и в дальних краях;
В Морвену толпою
Стекалися витязи, славны в боях;
И дочерью гордился
Пред ними отец...
Но втайне делился
Душою с Минваной Арминий-певец.
Младой и прекрасный,
Как свежая роза – утеха долин,
Певец сладкогласный...
Но родом не знатный, не княжеский сын:
Минвана забыла
О сани своём
И сердцем любила,
Невинная, сердце невинное в нём.

Не себя ли видел поэт в певце? «Певец сладкогласный... Но родом не знатный, не княжеский сын...». Не возлюбленную ли Машеньку Протасову в Минване? «Младая Минвана красой озаряла родительский дом...»

В.В. Огарков отметил: «...оскорблённый и опечаленный у Протасовых незлобивый Жуковский – и это ясно указывает нам на его чистую и симпатичную душу – не оскорблял сам и не мстил, а, наоборот, явился первым помощником Екатерины Афанасьевны: по случаю выхода Александры Андреевны замуж за Воейкова он продал свою деревню возле Муратова и все деньги (11 тысяч рублей) отдал в приданое племяннице, очень довольный тем, что его жертву приняли благосклонно».

А самому Жуковскому добиться руки Машеньки отчасти помешало то, что, выйдя замуж за Воейкова, Александра не была счастлива. Мало того – беды обрушились на всю семью Протасовых.

Жуковский словно предугадал, что не будет всё безоблачно, когда писал своей племяннице посвящение «Светлана»..

Вот красавица одна
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мёртвое молчанье;
Свечка трепетным огнём

Чуть лиёт сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонёк,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

В балладе «Светлана» много сцен, как будто и не очень к ней относящихся, но нагнетающих обстановку.

Сцена в церкви символизирует неприятности, которые ждут Александру:

Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На середине чёрный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Но и этого мало. После сцены в церкви, Жуковский усиливает эффект – он далее пишет:

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Чёрный вран, свистя крылом,
Вьётся над санями;
Ворон каркает: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Подымая гривы.

И наконец, снова смерть, снова гроб:

Что ж?... В избушке гроб; накрыт
Белою запоной;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;

И с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

А ведь баллада была свадебным подарком...

Нет, не подумайте, что Василий Андреевич Жуковский отделался только таким вот стихотворным подарком. Когда зашла речь о приданом, он, чтобы достойно выдать замуж любимую племянницу, продал одну из своих деревень. И вот 14 июля 1814 года Воейков и Сашенька Протасова венчались в Подзаваловской церкви.

В день свадьбы у Жуковского появились какие-то неясные, дурные предчувствия. Он даже написал Маше: «Милый друг, когда я стоял в церкви и смотрел на нашу милую Сашу, и когда мне казалось сомнительным её счастье, сердце моё было стеснено и никогда так не поразило меня слово “Отче наш” и вся эта молитва».

Но надо было как-то устраивать жизнь. Небогатым помещикам в ту пору надо было иметь какое-то казённое место – на доходы с деревень не прожить. Жуковский содействовал назначению Воейкова на профессорское место в Дерптском университете.

Но тут-то всё и началось.

Жуковский не решался приезжать в Муратово. Он понимал бесперспективность новых попыток просить руки и мечтал об одном – хотя бы жить рядом со своей возлюбленной.

Между тем молодожёны собирались в Дерпт, куда сам же Жуковский устроил Воейкова. Узнав, что Екатерина Афанасьевна едет с молодыми и берёт с собой Марию Андреевну, попросил у сестры разрешения ехать с ними. Мария Андреевна вначале согласилась – она же относилась к своему сводному брату очень тепло, она любила его по матерински. Но беспокойство о дочери взяло верх, и Жуковский получил отказ. Екатерина Афанасьевна объяснила это тем, что сватовство Жуковского и отказ ему обострил её отношения с дочерью, и теперь ей нужно было как-то их наладить.

В январе 1815 года Александра Андреевна с мужем отправились в Дерпт. С ними поехали Екатерина Афанасьевна и Машенька.

В Дерпте в то время был расквартирован егерский полк, вернувшийся из заграничного похода. На лекции к Воейкову стали частенько заходить офицеры полка. Заходил и шеф полка генерал-майор Афанасий Иванович Красовский (1781–1843). Было известно, что именно под его командованием полк в апреле 1814 года был за отличия переименован в гренадерский егерский.

Афанасий Иванович был очарован Машей и стал ухаживать за ней, причём у него появился союзник – Воейков был заинтересован в этом браке. Но внезапно полк получил приказ следовать в новый боевой поход. Красовский в марте покинул Дерпт. В марте же, едва разминувшись с ним, в Дерпт приехал Жуковский. Рассказ о сватовстве огорчил Жуковского – быть может, он именно в тот момент начал понимать, что преградой к счастью может быть не только близкое родство, что ведь Маша – девица на выданье. Вот уж сестра, которая на два года моложе, замужем.

Жуковский снова попытался договориться с сестрой Екатериной Афанасьевной. Он хотел быть рядом, чтобы предотвратить подобные сватовства. Он обещал, что не преступит грань братских отношений. И сестра хотела верить. Хотела, но не могла. Она сделала всё возможное, чтобы не дать Жуковскому и Маше оставаться наедине, хотя и жили они в Дерпте в одном доме. Лишь тайная переписка связывала влюблённых. Так в творческом наследии Жуковского появился «дерптский дневник», ещё его называли «дерптские письма-дневники».

Конечно, эти тайные отношения отразились на творчестве поэта.

И вот тут ещё раз проявилась подлая сущность Воейкова, который ведь ещё недавно считался едва ли не другом Василия Андреевича. Он пользовался помощью и протекцией, а теперь подло шпионил за влюблёнными.

Николай Иванович Греч писал о Воейкове:

«Он обязан был всем существованием несравненной жене своей, прекрасной, умной, образованной и добрейшей Александре Андреевне, бывшей его мученицей, сделавшейся жертвой этого гнусного изверга».

Но Воейков издевался не только над супругой, но и над её сестрой Марией Андреевной. Она писала родственнице Авдотье Киреевской-Елагиной:

«...Если он выведет меня из себя, то я открою такие вещи, которые справедливы, хотя и неправдоподобны... Одна любовь к Саше заставляла меня молчать, но терпению есть границы... У меня есть ещё письмо Жуковского, в котором он заклинает меня Богом выйти замуж за Красовского или же за Мойера, или за кого-нибудь; просить маменьку позволить ему найти мужа, единственно для того, чтобы избавить меня от Воейкова».

Как видим, Жуковский сам переменял своё отношение к замужеству своей возлюбленной. Просто он понял окончательно невозможность своей женитьбы на ней.

Удивительно то, что даже при таком близком родстве церковь не препятствовала браку. Против была одна только Екатерина Афанасьевна. У церкви же никаких формальных оснований не было к запрету, ведь Жуковский официально не был не только близким, но и вообще родственником своей избранницы. За Жуковского вступились орловский архиерей Досифей и даже петербургский архимандрит Филарет, но Екатерина Афанасьевна была непреклонна. И на то были причины...

Но если верить слухам о том, что отец Екатерины Афанасьевны Бунин Иван Афанасьевич был дружен именно с Григорием Григорьевичем Орловым, то она не могла не знать трагической судьбы этого человека.

Григорий Григорьевич Орлов вопреки и мнению света, и запрету церкви женился на своей двоюродной сестре, причём нашёл даже возможность венчаться с ней в православном храме.

Даже Сенат специально собрался по вопросу об этом браке. Решение было жёстким: князя Григория Григорьевича Орлова с женою разлучить, брак считать недействительным, а Орлова и Зиновьеву отправить в монастыри.

Когда приговор принесли на подпись члену Сената генерал-фельдмаршалу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, он отодвинул его в сторону и с сарказмом сказал, что среди документов недостаёт выписки из постановления «о кулачных боях», в которой прямо говорится, что «лежачего не бить»! А потом прибавил:

— Ещё недавно мы все сочли бы за особое счастье приглашение на его свадьбу.

Императрица Екатерина кассировала постановление Сената, и брак вновь стал действительным. Ну а новоиспечённой княгине Орловой Государыня оказала милость высочайшую, сделав её статс-дамой. Кроме того, она подарила ей свой портрет, а 22 сентября 1777 года своим Указом наградила орденом Святой Екатерины и осыпала подарками.

Григорий и его юная жена Катенька, урождённая Зиновьева были необыкновенно счастливы.

Как бы в Петербурге ни осуждали женитьбу Орлова, а всё же твёрдость Орлова и его юной невесты, их самоотверженное стремление друг к другу не могли не вызвать уважение у многих, а у кого-то и плохо скрываемое восхищение.

Жуковскому было сложнее. Возлюбленная Григория Орлова осталась сиротой, и ему не у кого было просить её руки, кроме неё самой. А вот Василию Андреевичу сестры своей было не обойти.

Да, Орлов добился своего, но все попытки завести детей оканчивались трагически. Дети рождались мёртвыми. Видимо, играло свою роль столь близкое родство супругов, неслучайно запрещаемое церковью. Полагая, что заграничные доктора могут помочь в этом вопросе, Орловы отправились за границу. Они объехали почти все западноевропейские страны. Юную княгиню осматривали тогдашние знаменитости, но случалось, что этаких вот знаменитостей разыгрывали из себя шарлатаны. Так что Орловы попадали в руки не только медицинских знаменитостей, но и мошенников. Барон Фридрих Мельхиор Гримм, немецкий публицист, критик и дипломат, который был постоянным на протяжении многих лет корреспондентом Императрицы Екатерины II, в своих письмах называл эти поездки по врачам «охотой за шарлатанами». И вот, во время одного из приёмов врач, очевидно, всё-таки не относящийся к плееде европейских шарлатанов, обнаружил у юной супруги Орлова симптомы неизлечимой в ту пору болезни. И ещё минуту назад счастливый супруг слышал, что не о детях думать надо, а о том, как спасти саму княгиню, хотя и это уже проблематично, ибо болезнь переходит в необратимую стадию. Но какая болезнь? Откуда же болезнь у совсем молодой и недавно ещё полной сил, здоровья и энергии женщины? Ответ сразил Орлова. У его супруги – чахотка.

Григорий Григорьевич не отходил от своей жены до последнего часа. Она угасала быстро, и вместе с нею угасал он, теряя своё богатырское здоровье не от болезни, а от переживаний.

Светлейшая княгиня Екатерина Николаевна Орлова умерла фактически у него на руках. Ей шёл двадцать четвёртый год. Орлову не исполнилось и сорока восьми. Он пережил супругу ненадолго и умер 13 апреля 1783 года – спустя два года после неё.

Не такого ли исхода страшилась сестра Жуковского, Екатерина Афанасьевна, когда категорически противилась соединению горячо любящих сердец. Ведь родство тоже было очень и очень близким...

А между тем обстановка в семье накалялась. Жуковский писал А.П. Елагиной, что Воейков: «... начал мучить их (супругу и её сестру) своими бешеными противоречиями. Пугал их беспрестанно то самоубийством... то пьянством, каждый день были ужасные истории».

В Дерпте Воейков показал своё истинное лицо. Он издевался над супругой, Марией Андреевной, и она в 1815 году даже поверила дневнику свои отчаянные планы: «Я крепко решилась убежать из дома куда-нибудь. Авось Воейков сжалится над несчастьем мам(еньки) и Саши – потеряв меня, они будут несчастны. Мы ездили с визитами; в это время В(оейков) обещал мам(еньке) убить Мойера, Жуковского, а потом зарезать себя. После ужина он опять был пьян. У мам(еньки) пресильная рвота, а у меня идёт беспрестанно кровь горлом. Воейков смеётся надо мной, говоря, что этому причиной страсть, что я также плевала кровью, когда собиралась за Жуковского».

И сообщала: «Воейков требует, чтобы я дала ему клятву не выходить замуж никогда, если он не будет делать мне огорчений».

В 1816 году мать Сашеньки, Екатерина Афанасьевна, жаловалась своей родственнице А.П. Киреевской:

«Ты знаешь мою истинную привязанность к Воейкову, ты видела моё обращение с ним, мою нежную заботливость скрыть его недостатки перед другими, я точно о нём думала, как о сыне, как ты о Ванечке. Чем же я заплочена? Ненавистью, да! точно, во всей силе этого слова; он не только говорит, что меня ненавидит, нет, он покойно видеть меня не может. И он – Сашин муж, Дуняша. Что же она терпит?»

А ведь Сашенька была очаровательная, умна, хорошо воспитанна, талантлива. Николай Иванович Греч писал о ней:

«Всяк, кто знал её, кто только приближался к ней, становился её читателем и другом. Благородная, братская к ней привязанность Жуковского, преданная бессмертию в посвящении “Светланы”, известна всем. Потом первыми гостями её были Александр Иванович Тургенев и Василий Алексеевич Перовский. Булгарин некоторое время сходил от неё с ума. Между тем все эти связи были чистые и святы и ограничивались благородной дружбой. Разумеется, в свете толковали не так: поносили её, клеветали и лгали на неё. Такова судьба всех возвышенных людей среди уродов, с которыми они обречены жить. Женская зависть играла в этом не последнюю роль».

Она была музой многих поэтов. Ей посвящал стихи Евгений Боратынский:

Очарованье красоты
В тебе не страшно нам:
Не будишь нас, как солнце, ты
К мятежным суетам;
От дольней жизни, как луна,
Манишь за край земной,
И при тебе душа полна
Священной тишиной.

Ну а Жуковский вынужден был покинуть Дерпт.

С грустью покидая город, Василий Андреевич Жуковский переводил печальные стихотворения Гёте «Утешение в слезах»:

«Скажи, что так задумчив ты?
Всё весело вокруг;
В твоих глазах печали след;
Ты, верно, плакал, друг?»
«О чём грущу, то в сердце мне
Запало глубоко;
А слёзы... слёзы в сладость нам;
От них душе легко».
«К тебе ласкаются друзья,
Их ласки не дичись;
И что бы ни утратил ты,
Утратой поделись».
«Как вам, счастливым, то понять,
Что понял я тоской?
О чем... но нет! оно моё,
Хотя и не со мной».
«Не унывай же, ободрись;
Ещё ты в цвете лет;
Ищи – найдёшь; отважным, друг,
Несбыточного нет».
«Увы! напрасные слова!
Найдёшь – сказать легко;
Мне до него, как до звезды
Небесной, далеко».
«На что ж искать далеких звёзд?
Для неба их краса;

Любуйся ими в ясну ночь,
Не мысли в небеса».
«Ах! я люблюсь в ясный день;
Нет сил и глаз отвести;
А ночью... ночью плакать мне,
Покуда слёзы есть».

Стихи лились из-под пера. Что ж, вдохновение приходит как в дни счастья, так и в те горькие периоды, когда беды крепко берут поэта за горло. И он обращается к Небесам, к Природе, к небесным светилам. Жуковский в горе своём обращался «К месяцу».

Снова лес и дол покрыл
Блеск туманный твой:
Он мне душу растворил
Сладкой тишиной.
Ты блеснул... и просветлел
Тихо темный луг:
Так улыбкой наш удел
Озаряет друг.
Скорбь и радость давних лет
Отозвались мне,
И минувшего привет
Слышу в тишине.
Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь уж отцвела;
Так надежды пронеслись;
Так любовь ушла.
Ах! то было и моим,
Чем так сладко жить,
То, чего, расставшись с ним,
Вечно не забыть.
Лейся, лейся, мой ручей,
И журчанье струй
С одинокою моей
Лирой согласуй.
Счастлив, кто от хлада лет
Сердце охранил,
Кто без ненависти свет
Бросил и забыл,
Кто делит с душой родной,
Втайне от людей,
То, что презрено толпой
Или чуждо ей.

От поэзии любви к придворным виршам

С 1813 года произведения Василия Андреевича Жуковского стали всё чаще появляться в печати. В январе в 1-м номере «Вестника Европы» была опубликована баллада «Светлана», которая посвящалась Александре Протасовой.

Затем баллада «Адельстан», которая явилась переводом баллады английского поэта-романтика Роберта Саути (1774–1843), представителя так называемой «озёрной школы». Ныне известна из его творчества в основном лишь сказка «Три медведя».

И. Семенко в книге «Жизнь и поэзия Жуковского» отметил: «Сюжет баллады взят Саути из средневековых немецких сказаний о Лоэнгрине (другой вариант этих сказаний позднее лег в основу оперы Р. Вагнера). Спящий рыцарь чудесным образом плывет по Рейну в ладье под алым парусом, влекомой лебедем. Выйдя на берег у стен замка, он очаровывает его прекрасную обительницу и женится на ней. Привлекательная загадочность рыцаря скрывает, однако, ужасную тайну: он грешник, по договору с дьяволом обязавшийся отдать ему своего первенца. В решающий момент небесные силы вступаются за мать и младенца и наказывают грешника».

Смягчив местный колорит подлинника, Жуковский получает возможность смешать краски чужеземные с красками русскими, причём делает это очень артистично и осторожно. В первой же строфе название Рейна указывает отличительную черту местности, ориентирует читателя на «рыцарскую» тематику; во второй строфе замок Аллен назван сначала замком, а затем «теремом»; в третьей строфе вблизи этого «замка-терема» появляются традиционные для русского фольклора «девы красные». Эти постепенные переходы необычайно искусны».

Жуковский изменил имена героев, дав имя главному герою Радигеру Адельста, а Маргарите – Лора.

Но трудно скрыть в этом переводе личное... Любовь – вот главное в творчестве поэта в то время.

Меж красавицами Лора
В замке Аллене была
Видом ангельским для взора,
Для души душой мила.
Графы, герцоги толпою
К ней стеклись из дальних стран —
Но умом и красотою
Всех был краше Адельстан.

Но самой важной публикацией явилось издание отдельной книгой стихотворения «Певец во стане русских воинов». Книга вышла в феврале 1813 года. В то время русский поэт, баснописец Иван Иванович Дмитриев (1760–1837) являлся членом Государственного совета и министром юстиции. То есть он был вхож в императорскую семью. Прочитав «Певца...» Жуковского, он преподнёс книгу вдовствующей императрице Марии Федоровне (супруге зверски убитого сановными уголовниками Императора Павла Петровича) Мария Фёдоровна пригласила к себе Жуковского, чтобы познакомиться с ним и получить экземпляр издания с авторским автографом.

Жуковский сделал на книге посвящение:

«Мой слабый дар царица одобряет...»

Вдохновлённый оценкой своего труда, Жуковский написал «Послание императору Александру I, спасителю народов»:

Когда летящие отсюда шумны клики,
В один сливаясь глас, тебя зовут: великий!
Что скажет лирою незнаемый певец?
Дерзнет ли свой листок он в тот вплести венец,
Который для тебя вселенная сплетает?..
О русский царь, прости! невольно увлекает
Могущая рука меня к мольбе в тот храм,
Где благодарностью возжжённый фимиам
Стеклися в дар принести тебе народы мира —
И, радости полна, сама играет лира.

Кстати... Действительно, после окончания Заграничного похода Русской армии в 1813–1814 годов были предложения поднести Императору титул Великого. Но... в 1814 году на заседании Государственного совета граф Литта предложил титул «Благословенный» и сумел отстоять своё предложение.

Конечно, послание представляло собой панегирик. Далеко не все в России разделяли такое восторженное восприятие Жуковским деяний Императора Александра I. Тем не менее поэт восклицал:

Когда ж священный храм при громах растворился —
О, сколь пленителен ты нам тогда явился,
С младым, всех благостей исполненным лицом,
Под прародительским сияющий венцом,
Нам обречённый вождь ко счастью и славе!
Казалось, к пламенной в руке твоей державе
Тогда весь твой народ сердцами полетел;
Казалось, в ней обет души твоей горел,
С которым ты за нас перед алтарь явился —
О, Царь, благодарим: обет сей совершился...

Деликатно сказано «под прародительским сияющий венцом», поскольку многие с осуждением относились к попустительству сановным уголовникам, убившим Императора Павла Петровича с ведома наследника престола. Болтовня о том, что он, де, согласился на вооружённый переворот и на свержение Императора с условием, что ему сохраняют жизнь, весьма наивна, поскольку наследник престола не мог не знать, как относится Император к своему Государеву служению, и что он не оставит престол, под какими бы угрозами это от него ни требовали. Не мог он не знать и того, что заговорщики — эти, говоря нынешним языком, кровожадные отморозки — жаждут именно крови, что они не желают, да и не могут оставить в живых Императора, ибо в этом случае сами окажутся в крепости, поскольку Павел Петрович будет немедленно освобождён. Выдумки о том, что он был ненавидим всем народом, не имеют под собой почвы. Его ненавидели только ярые ненавистники России, стяжатели и мерзавцы, готовые продать Россию.

Другое дело строки, адресованные Наполеону:

Непобедимости мечтою ослепленный,

Он мыслил: «Мой престол престолом будь вселенны!
Порфиры всех царей земных я раздеру
И все их скипетры в одной руке сберу;
Народов бедствия – ступени мне ко счастью;
Всё, всё в развалины! на них воссяду с властью,
И буду царствовать, и мне соцарствуй, Страх;
Исчезни всё опять, когда я буду прах,
Что из развалин брань и власть соорудила —
Бессмертною моя останется могила».
И, к человечеству презреньем ополчен,
На первый свой народ он двинул рабства плен,
Чтобы смелей сковать чужим народам длани, —
И стала Галлия сокровищницей брани;
Там все, и сам Христов алтарь, взывало: брань!

А далее строки послания подтверждают уже то, что в общем-то неопровержимо. Пушкин в своей Оде «Вольность» писал:

(...)
Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрёк ты Богу на земле...

Долгое время нас пытались убедить, что Пушкин адресовал эти строки русскому Царю. Даже иногда с удовольствием называли Императора Николая I. Ведь кем был этот замечательный Государь, разобрались не сразу. В школе, во всяком случае, в то время, когда учился я, моё поколение, да и следующее поколение, об Императоре Николае Павловиче не могли говорить добрых слов, ведь он сокрушил масонскую гидру, пытавшуюся пустить в распыл Россию почти за столетие до предательской буржуазной февральской революции, положившей начало хаосу. И никого не волновало, что ода написано в 1817 году, что у Императора Александра, в то время царствовавшего, не было детей. Ну а о том, что после него будет царствовать Николай Павлович, и в голову никому не приходило.

Как мы уже видели по стихотворению «Памятник», Пушкин заимствовал некоторые идеи у своих учителей. Посмотрим, что писал в «Послании...» Жуковский:

Всё, раболепствуя мечтам тирана, дань
К его ужасному престолу приносило:
(...)
И беспощадною косою подсекало
Самовластительство прекрасный цвет людей:
Чудовище, склонясь на колыбель детей,
Считало годы их кровавыми перстами;
Сыны в дому отцев минутными гостями
Являлись, чтобы там оставить скорби след —

И юность их была как на могиле цвет....

И совершенно подмечено поэтом, что Европа, эта старая подлая, коварная, во все времена продажная калоша – Пушкин говорил, что Европа по отношению к России всегда была столь же невежественна, сколь и неблагодарна – эта компания трусоватых политиков и не менее трусоватых воинов действительно с надеждой обращала взоры на Россию. А правители Европы шептали потихоньку Русскому Царю, что если и будут вынуждены идти на Русь под скипетром Наполеона, то и в этом случае будут вроде бы как-то не очень сильно воевать. Эти заверения давали и прусский король, и австрийский император. Пруссак воевали по-серьёзному, пока им не сломали хребет вместе с французской бандой, поляки бесчинствовали в Москве, а вот австрияки действительно смогли отсидеться и не вступать в серьёзные схватки.

Унылость на сердца народов налегла —
Лишь Вера в тишине звезды своей ждала,
С святым терпением тяжёлый крест лобзала
И взоры на восток с надеждой обращала...
И грозно возблистал спасенья страшный год!

Да, тут поэт предельно точен. И точен он в следующем:

За сей могилую народов цвёл народ —
О, Царь наш, твой народ, – могущий и смиренный,
Не крепостью твердынь громовых огражденный,
Но верностью к Царю и в славе тишиной.
Как юноша-атлет, всегда готовый в бой,
Смотрел на брани он с беспечностью силы...
Так, юные поджав, но опытные крылы,
На поднебесную глядит с гнезда орел...
И злобой на него губитель закипел.
В несметну рать столпя рабов ожесточённых
И на полях, стопой врага не осквернённых,
Уж в мыслях сгромоздив престол всемирный свой,
Он кинулся на Русь свирепую войной...
О провидение! твоя Россия встала,
Твой ангел полетел, и брань твоя вспылала!

Ну и далее сказано справедливо о том, что в 1812 году Император во многом сумел побороть себя. И это заключалось не только в том, что он пообещал не вступать с агрессором ни в какие переговоры, пока последний солдат врага не будет вышвырнут за пределы России, но и в том, что, пересилив себя, вручил главное командование русским войском Кутузову, хотя и приставил к нему в качестве соглядатая убийцу Павла Петровича, сановного уголовного Беннигсена.

Кто, кто изобразит бессмертный оный час,
Когда, в молчании народном, царский глас
Послышался как весть надежды и спасенья?
О глас царя! о честь народа! пламень мщенья
Ударил молнией по вздрогнувшим сердцам;

Все бранью вспыхнуло, все кинулось к мечам,
И грозно в бой пошла с Насилием Свобода!
Тогда явилось все величие народа,
Спасającego трон и святость алтарей,
И тихий гроб отцев, и колыбель детей,
И старцев седины, и младость дев цветущих,
И славу прежних лет, и славу лет грядущих.
Все в пепел перед ним! разлей пожары, месть!
Стеною рать! что шаг, то бой! что бой, то честь!
Пред ним развалины и пепельны пустыни;
Кругом пустынь полки и грозные твердыни,
Везде ревущие погибельной грозой, —
И старец-вождь средь них с невидимой Судьбой!..
Холмы Бородина, дымитесь жертвой славы!..
Уже растерзанный, едва стопы кровавы
Таща по гибельным отмстителей следам,
Грядет, грядет слепец, Москва, к твоим стенам!
О радость!.. он вступил!.. зажгись, костер свободы!
Пылает!.. цепи в прах! воскресните, народы!
Ваш стыд и плен Москва, обрушась, погребла,
И в пепле мщения Свобода ожила,
И при сверкании кремлевского пожара,
С развалин вставшая, призрак ужасный, Кара
Пошла по трепетным губителя полкам
И, ужас пригвоздив к надменным знаменам,
Над ними жалобно завывла: горе! горе!

Да, настало время,

И гибелью врагам твой щит запламенел,
И руку ты простер... и двинулися рати.
Как к возвестителю небесной благодати,
Во сретенье тебе народы потекли,
И вайями твой путь смиренный облекли.
Приветственной толпой подвиглись веси, грады;
(...)
И всё помчалось в строй под знамена свободы;
В одну слиялись грудь воскресшие народы,
И всех царей рука, наш царь, в руке твоей
На жизнь, на смерть, на брань, на честь грядущих дней.
(...)
О Русская земля! спасителем грядет
Твой царь к низринувшим царей твоих столицу;
Он распростер на них пощады багряницу;
И мирно, славу скрыв, без блеска, без громов,
По стогнам радостным ряды его полков
Идут — и тишина вослед им прилетает...
Хвала! хвала, наш царь! стыдливо отклоняет
Рука твоя побед торжественный венец!

Отважною вступить дерзаю, царь, мечтою
В чертог священный твой, где ты один с собою,
Один, в тот мирный час, когда лежит покой
Над скромных жребием беспечною главой,
Когда лишь бодрствуют цари и провиденье.

1 января 1815 года А.И. Тургенев сообщил о том, как было принято «Послание...»: «Пишу тебе, бесценный и милый друг, чтоб от всей души, произведением твоего гения возвышенной, поздравить тебя с Новым годом и новою славою!»

И поэт вступил в чертог Царя...

В Петербурге дела Жуковского шли очень хорошо: царское семейство к нему благоволило. В 1817 году там печаталось собрание стихотворений поэта в двух томах. Один экземпляр этих стихотворений вместе с отдельно изданным «Певцом в Кремле» был поднесён министром народного просвещения, известным князем А.Н. Голицыным, Государю, который назначил поэту пожизненный пенсион в четыре тысячи рублей ассигнациями.

Иван Иванович Дмитриев, как известно, не только поэт и баснописец, но и государственный деятель, писал А.И. Тургеневу: «Кажется, поэт мало-помалу превращается в придворного; кажется, новость в знакомствах, в образе жизни начинает прельщать его...»

Известна также эпиграмма:

Из савана оделся он в ливрею,
На ленту променял лавровый свой венец.
Не подражая больше Грею,
С указкой втерся во дворец —
И что же вышло, наконец?
Пред знатыми сгибая шею,
Он руку жмет камер-лакею.
Бедный певец!

Упомянутый Грей Томас был английским поэтом XVIII века.

Эпиграмму приписывали Пушкину баснописец, издатель и публицист Александр Ефимович Измайлов (1779–1831) и будто бы Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859), писатель, журналист, критик и издатель. Жуковский, прочитав, попросил Николая Ивановича Греча: «Скажите Булгарину, что он напрасно думал уязвить меня своею эпиграммою; я во дворец не втирался, не жму руки никому. Но он принёс этим большое удовольствие Воейкову, который прочитал мне эпиграмму с невыразимым восторгом».

Между тем Греч полностью привёл текст эпиграммы и сделал такой комментарий: «По отзывам некоторых лиц, это эпиграмма Пушкина, а по другим – Воейкова».

Писатель-декабрист Михаил Александрович Бестужев (1800–1871) привёл эпиграмму в своих мемуарах и отметил: «Помню, как зашла речь о Жуковском и как многие жалели, что лавры на его челе начинают блекнуть в придворной атмосфере, как от сожаления неприятно перешли к шуткам на его счет. Ходя взад и вперед с сигарами, закусывая пластовой капустой, то там то сям вырывались стихи с оттенками эпиграммы или сарказма, и, наконец, брат Александр, при шуме возгласов и хохота, редижировал (редактировал) известную эпиграмму, приписанную впоследствии А. Пушкину...»

Ну а князь Пётр Андреевич Вяземский сделал к эпиграмме пометку, что эпиграмма «не Пушкина, а Александра Бестужева, что подтверждается братом его в “Русской старине...”».

Кстати, А.Е. Измайлов привёл эту эпиграмму в несколько иной редакции:

На саван променяв ливрею,
На пудры – лавры и венец,
С указкой втёрся во дворец.
И что же вышло, наконец?
Пред знатными сгибая шею,
Жмёт руку он камер-лакею.
Бедный певец!

Бестужев в одном из писем П.А. Вяземскому заметил: «Жуковского видел утром у выхода, он здоров, и пудра стала его стихия».

Ну, понятно – раз при дворе, значит, с точки зрения прозападных особей, уже достоин лишь иронии и сарказма. Ну и большинство декабристов показали себя отменными клеветниками и интриганами. Редко встречались среди них таковые, как Иван Иванович Пущин (1798–1859), заявивший, что если бы он был в день дуэли рядом с Пушкиным, пулю Дантеса встретила бы его грудь.

И на кого клеветали?! На Пушкина, на Жуковского – на цвет русской литературы, на светочей русской поэзии.

Александра Осиповна Смирнова-Россет вспоминала о Жуковском:

«Добрый он и был, но при этом сколько было глубины и возвышенности в нём... Хотя он был как дитя при дворе, однако очень хорошо понимал, что есть вокруг него интриги, но пачкаться в них он не хотел, да и не умел».

1815 год становится для него трамплином в службе государевой.

4 сентября его пригласил в Павловск русский поэт сенатор Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1751–1828), в прошлом статс-секретарь Павла I и почётный опекун Воспитательного дома. Это был царедворец, пользовавшийся особым доверием. Именно он после того, как прошло предложение Литта о титуле Царя, составлял всеподданнейшие прошения о принятии Императором титула Благословенного. Когда начались приготовления к встрече Государя в Петербурге, он вместе с кн. Вяземским и Батюшковым составлял хоры и стихи. Ему было поручено Императором неотлучно находиться при Особе Императрицы Марии Фёдоровны. Именно по его инициативе и с совершенного согласия Марии Фёдоровны Жуковский был назначен её чтецом. И началось возвышение. Уже вскоре после назначения чтецом Орест Кипренский взялся писать портрет Жуковского. Поэт был принят в доме первого директора Публичной библиотеки, президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина (1763–1843).

И, конечно, впереди были знаменитые «Приютинские вечера» – встречи в усадьбе Олениных в Приютино, где частыми гостями бывали Гавриил Романович Державин, Иван Андреевич Крылов, Николай Иванович Гнедич, князь Пётр Андреевич Вяземский, Александр Сергеевич Грибоедов, видные художники, музыканты и другие творческие знаменитости.

В сентябре Жуковский посетил Царскосельский лицей и встретился с юным Пушкиным. Вскоре Василий Андреевич стал «арзамасцем» и получил прозвище «Светлана», видимо, по его уже ставшей знаменитой поэме.

В конце года вышел сборник стихотворений Жуковского. Первая часть собрания его поэтических произведений.

Назначение чтецом при вдовствующей императрице Марии Фёдоровне было только началом придворной службы. Вскоре, уже в конце 1817 года, Василия Андреевича сделали учителем русского языка супруги великого князя Николая Павловича великой княгини Александры Фёдоровны.

В.В. Огарков рассказал:

«Жуковский усердно готовился к своим занятиям с ученицей, и, по всем данным, занятия эти шли успешно, что должно объясняться помимо умения учителя и талантливостью его слушательницы, образованной и с художественным вкусом женщины. Поэт составил для великой княгини особую грамматику, но главный интерес занятий с ученицей заключался в том, что она, страстно любя немецкую литературу, сделала указания поэту на пьесы, которые желала иметь в переводе, и с большим вниманием относилась к этим переводам. Такое параллельное чтение оригинала и переводов предоставляло хорошую возможность для сравнения подлинника с копией. Все эти переводы (например, знаменитой баллады Гёте “Лесной царь”), указанные и вдохновленные великой княгиней, были напечатаны маленькими изящными книжками, носившими название “Для немногих”. В описываемое время были переведены многие вещи, доставившие Жуковскому славу».

В 1815 году Жуковский опубликовал в журнале «Сын Отечества» стихотворение, которое назвал «Молитва русского народа». В стихотворении были поначалу две строфы:

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю —
Всё ниспошли!
Перводержавную
Русь Православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное,
В силе спокойное!
Всё ж недостойное
Прочь отжени!

Стихи были представлены вначале императрице Марии Фёдоровне, а затем Императору Александру I, который в конце 1816 года издал указ, возводивший это стихотворение в ранг Государственного гимна и устанавливающий порядок его исполнения. Утверждалось исполнение этого гимна при встречах Императора. Для исполнения была приспособлена музыка британского гимна, написанная Генри Кэри.

Позднее Жуковский дописал ещё одну строфу:

О, Провидение!
Благословение
Нам ниспошли!
К благу стремление,
В счастье смирение,
В скорби терпение
Дай на земли!

Оставался государственным гимном России вплоть до 1833 года, когда был сменён гимном «Боже, Царя храни!».

А случилось так. В 1833 году Император Николай I нанёс визиты в Австрию и Пруссию. И везде его встречали гимном «Молитва Русского народа», исполняемым на мотив

английского гимна. Но если Императору Александру такое исполнение, очевидно, нравилось – связь его с Англией достаточно известна, – то Императора Николая Павловича это совсем не радовало. В свите Императора был композитор и дирижёр Алексей Фёдорович Львов (1798–1870), участник Русско-турецкой войны (1828–1829 гг.), проявивший себя в боях под Шумлой, а также при осаде и взятии Варны, награждённый бантом к ордену Св. Владимира IV степени и орденом Св. Анны II степени. Ему-то и поручил Император написать свою, русскую музыку к Гимну Российской империи.

В декабре Гимн был впервые исполнен, причём первоначально его называли по-прежнему: «Молитва русского народа». А 31 декабря 1833 года Император Николай Павлович своим Указом сделал его официальным гимном Российской империи под новым названием «Боже, Царя храни!»

Композитору была пожалована осыпанная бриллиантами табакерка с портретом Государя. 11 апреля 1834 Львов стал флигель-адъютантом.

Текст был расширен Жуковским и представлял собою:

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу нам!
Царствуй на страх врагам,
Царь православный,
Боже, Царя,
Царя храни!
Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли, дай на земли.
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю
Всё ниспошли.
Перводержавную
Русь Православную,
Боже, Царя, Царя храни!
Царство ей стройное
В силе спокойное,
Всё ж недостойное
Прочь отжени.
Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Правды блюстителям,
Чести спасителям,
Миротворителям
Долгие дни.
О, Провидение,
Благословение
Нам ниспошли! Нам ниспошли!
К благу стремление,
Счастье, смирение,
В скорби терпение

Дай на земли!

(повтор первого куплета)

Но вернёмся в первые годы придворной службы Жуковского...

17 апреля 1818 года в семье великого князя Николая Павловича и великой княгини Александры Фёдоровны, урождённой принцессы Шарлотты Прусской (1798–1860), родился сын Александр, будущий Император Всероссийский Александр II Николаевич.

Жуковский посвятил этому событию стихотворение, посвящённое великой княгине Александре Фёдоровне.

ГОСУДАРЫНЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВНЕ
НА РОЖДЕНИЕ В. КН. АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА
Послание

Изображу ль души смятенной чувство?
Могу ль найти согласный с ним язык?
Что лирный глас и что певца искусство?..
Ты слышала сей милый первый крик,
Младенческий привет существованью;
Ты зрела блеск проглянувших очей
И прелесть уст, открывшихся дыханью...
О, как дерзну я мыслию моей
Приблизиться к сим тайнам наслажденья?
Он пролетел, сей грозный час мученья;
Его сменил небесный гость Покой,
И тишина исполненной надежды;
И, первым сном сомкнув беспечны вежды,
Как ангел спит твой сын перед тобой...
О мать! кто, какой язык земной
Изобразит сие очарованье?
Что с жизнью прекрасного дано,
Что нам сулит в грядущем упованье,
Чем прошлое для нас озарено,
И темное к неизвестному стремленье,
И ясное для сердца провиденье,
И что душа небесного досель
В самой себе неведомо скрывала —
То всё теперь без слов тебе сказала
Священная младенца колыбель.
(...)
Он восклицал о России, о Москве...
(...)
Торжественно державный Кремль стоял...
Казалось, все с надеждой ожидало.
И в оный час пред мыслию моей
Минувшее безмолвно воскресало:
Сия река, свидетель давних дней,

Протекшая меж стольких поколений,
Спокойная меж стольких изменений,
Мне славную блистала стариной;
И образы великих привидений
Над ней, как дым, взлетали предо мной;
Мне чудилось: развертывая знамя,
На бой и честь скликал полки Донской;
Пожарский мчал, сквозь ужасы и пламя,
Свободу в Кремль по трупам поляков;
Среди дружин, хоругвей и крестов
Романов брал могущество державы;
Вводил полки бессмертья и Полтавы
Чудесный Петр в столицу за собой;
И праздновать звала Екатерина
Румянцева с вождями пред Москвой
Ужасный пир Кагула и Эвксина.
И, дальние лета перелетев,
Я мыслю ко близким устремился.
Давно ль, я мнил, горел здесь божий гнев?
Давно ли Кремль разорванный дымился?
Что зрели мы?.. Во прахе дом царей;
Бесславие разбитых алтарей;
Святылища, лишённые святыни;
И вся Москва как гроб среди пустыни.
И что ж теперь?.. Стою на месте том,
Где супостат ругался над Кремлем,
Зажженною любуюся Москвою, —
И тишина святая надо мною;
Москва жива; в Кремле семья царя;
Народ, теснясь к ступеням алтаря,
На празднике великом воскресенья
Смирненно ждет надежды совершенья,
Ждёт милого пришельца в божий свет...
(...)
Да встретит он — обильный чеством век!
Да славного участник славный будет!
Да на чреде высокой не забудет
Великого из званий: человек!
Жить для веков в величии народном,
Для блага всех — своё позабывать,
Лишь в голосе отечества свободном
С смирением дела свои читать!

Письма отчаяния – письма надежды

Весной 1815 года, ещё не зная о том, что ждёт его любовь в ближайшее время, Жуковский забросал Машеньку Протасову своими посланиями, которые иначе чем письмами отчаяния не назовёшь.

Он по-прежнему не сдавался, по-прежнему надеялся, что сердце Екатерины Афанасьевны растает, что сестра сжалится над ним, хотя и понимал, что жалость здесь ни при чём. Да, он ссылался на то, что церковь в лице митрополита Филарета не возражает против брака, но одновременно понимал и то, что церковь права лишь формально. По документам он посторонний для Маши человек, ведь нигде не зафиксировано, что у него и у Машиной матери – один отец. Но это документы... Истинное родство не ими определяется. Перед Богом он родной дядя своей возлюбленной.

Но ведь сердцу не прикажешь... И Жуковский весной 1815 года писал своей любимой:

«Милая Маша, нам надобно объясниться. Как прежде от тебя одной я требовал и утешения, и твёрдости, так и теперь требую твёрдости в добре. Нам надобно знать и исполнить то, на что мы решились, дело идёт не о том только, чтобы быть вместе, но и о том, чтобы этого стоить. Следовательно, не по одной наружности исполнять данное слово, а в сердце быть ему верными. Иначе не будет покоя, иначе никакого согласия в чувствах между мною и маменькой быть не может. Сказав ей решительно, что я ей брат, мне должно быть им не на одних словах, не для того единственно, чтобы получить этим именем право быть вместе. Если я ей говорил искренно о моей к тебе привязанности, если об этом и писал, то для того, чтобы не носить маски – я хотел только свободы и доверенности. Это нас рознило с нею...»

И вот уже Жуковский пытается найти выход, говорит о том, что готов пойти на жертвы во имя сохранения спокойствия в семье Протасовых, во имя, как он убеждает, самой Маши:

«Теперь, когда всё, и самое чувство пожертвовано, когда оно переменилось в другое лучшее и нежнейшее, нас с нею ничто не будет рознить. Но, милой друг, я хочу, чтобы и ты была совершенно со мною согласна, чтобы была в этом мне и примером и подпорою, хочу знать и слышать твои мысли. Как прежде ты давала мне одним словом и бодрость, и подпору; так и теперь ты же мне дашь и всю нужную мне добродетель. Чего я желал? Быть счастливым с тобою! Из этого теперь должен выбросить только одно слово, чтобы все заменить. Пусть буду счастлив тобою! Право, для меня всё равно твоё счастье или наше счастье. Поставь себе за правило всё ограничить одной собою, поверь, что будешь тогда всё делать и для меня. Моя привязанность к тебе теперь точно без примеси собственного. И от этого она живет и лучше. Уж я это испытал на деле – смотря на тебя, я уже не то думаю, что прежде, если же на минуту и завернётся старая мысль, то всегда с своим дурным старым товарищем, грустью, стоит уйти к себе, чтобы опять себя отыскать таким, каким надобно, а это ещё теперь, когда я от маменьки ничего не имею, когда я ещё ей не брат – что ж тогда, когда и она со своей стороны всё для меня сделает. Я уверен, что грустные минуты пропадут, и место их заступят ясные, тихие, полные чистою к тебе привязанности. Вчера за ужином прежнее немножко что-то зацепило меня за сердце – но воротясь к себе, я начал думать о твоём счастье, как о моей теперешней заботе. Боже мой, как это меня утешило! Как ещё много мне осталось! Не лиши же меня этого счастья! Переделай себя совершенно и будь этим мне обязана! Думай беззаботно о себе, всё делай для себя – чего для меня боле? Я буду знать, что я участник в этом милом счастье! Как жизнь будет для меня дорога! Между тем я имею собственную цель – работа для пользы и славы! Не легко ли будет работать? Всё пойдёт из сердца и всё будет понятно для добрых! Напиши об этом твои мысли – я уверен, что они и возвысят, и утвердят все мои чувства и намерения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.